

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 20 МАЙ 1980

**35 ЛЕТ
ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ
ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ**

Москва. 9 Мая 1980 года. У могилы Неизвестного солдата.

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

№ 20 (2760)

17 МАЯ 1980

9 мая, в день 35-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Змигин, К. В. Русаков посетили Мавзолей В. И. Ленина и возложили венок от Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

С именами величайшего пролетарского революционера и мыслителя, организатора Коммунистической партии Советского Союза,

основателя Советского социалистического государства — Владимира Ильича Ленина — неразрывно связаны все свершения трудящихся СССР. Под знаменем Ленина советский народ отстаивал свободу и независимость своей Родины, победил в Великой Отечественной войне, принес народам освобождение от фашизма.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства направляются к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены, где выстроились воинские части Московского гарнизона. На гранитной плите у Вечного огня высечены слова: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен». У обе-

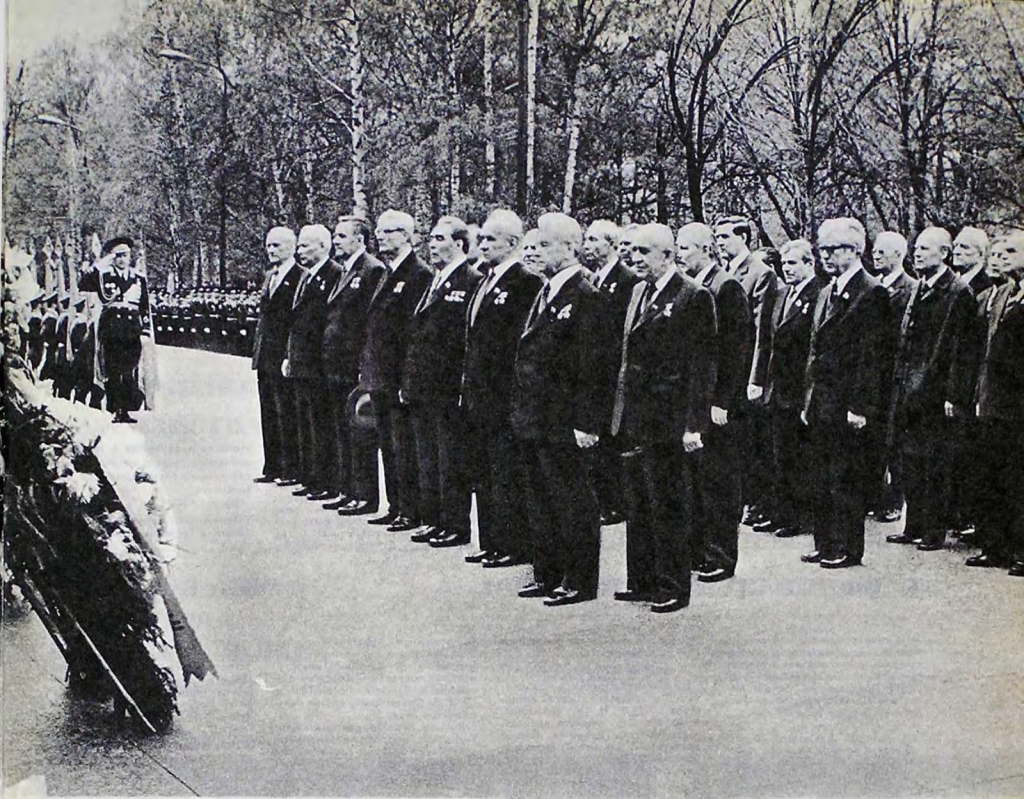

Фото А. Гостева

К МАВЗОЛЕЮ В. И. ЛЕНИНА И МОГИЛЕ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

лисков городов-героев выстроен почётный караул советских воинов. Прислушны боевые знамена.

Звучат торжественно-траурные мелодии.

Руководители КПСС и Советского государства возлагают венки к могиле Неизвестного солдата. На аллее лежат слова: «Павшие в боях за свободу и независимость социалистической Родины от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР».

Товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. А. Громико, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В.

Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зиминин, К. В. Русаков минутой молчания почтили память воинов, отдавших жизнь, защищая свободу и независимость Советской Родины, во имя прочного мира на земле.

При возложении венков руководителями Коммунистической партии и Советского государства были председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, Н. К. Байбаков, В. Э. Дымин, К. Ф. Катушев, Т. Я. Киселев, Н. В. Мартынов, Г. И. Марчук, В. Н. Новиков, И. Т. Новиков,

З. Н. Нуриев, Л. В. Смирнов, председатели палат Верховного Совета СССР А. П. Штиков, В. П. Рубен, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгиев, председатель ВЛКСМ А. И. Шибанов, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов.

От Вооружённых Сил СССР венок к могиле Неизвестного солдата возложили Маршалы Советского Союза, генералы, ветераны Великой Отечественной войны.

Звучит Гимн Советского Союза. Торжественным маршем перед могилой Неизвестного солдата проходят части Московского гарнизона, отдавая воинские почести павшим героям Великой Отечественной войны.

Во время беседы.

Фото В. Мусазьяна и Э. Песова [ТАСС]

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ Э. БАБЮХА

6 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле члена Политбюро ЦК ПОРП, Председателя Совета Министров ПНР Э. Бабюха, находившегося в Советском Союзе с официальным дружественным визитом.

Состоялась беседа, в которой принял участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Товарищ Л. И. Брежнев тепло поздравил товарища Э. Бабюха с назначением на высокий пост Председателя Совета Министров ПНР и пожелал успехов в работе

польского правительства по реализации решений VIII съезда партии.

Было отмечено, что советско-польское сотрудничество становится все более глубоким, разносторонним и зрелым. Были высказаны соображения о путях дальнейшего совершенствования

этого сотрудничества в политике, экономике, науке, технике и других сферах государственной деятельности.

Беседа прошла в сердечной, товарищеской атмосфере и отличалась полным взаимопониманием.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению советского руководства с официальным дружественным визитом 6 мая в Москву прибыл член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Эдвард Бабюх.

6 мая в Кремле начались переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с членом Политбюро ЦК ПОРП,

Председателем Совета Министров ПНР Э. Бабюхом.

В переговорах приняли участие: с советской стороны — заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбаков, К. Ф. Катушев, министр внешней торговли Н. С. Поголов, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. Ф. Мальцев, посол СССР в ПНР Б. И. Аристов; с польской стороны — член Политбюро ЦК ПОРП, заместитель

Председателя Совета Министров ПНР, председатель комиссии планирования Т. Вжаски, министр внешней торговли и морского хозяйства Р. Карский, посол ПНР в СССР К. Ольшевский, другие официальные лица.

В ходе переговоров были рассмотрены вопросы дальнейшего углубления братских связей и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и народной Польшей в соответствии с решениями XXV съезда КПСС и VII

съезда ПОРП, а также договоренностями, достигнутыми во время встреч Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека.

Были обсуждены некоторые международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Переговоры проходили в сердечной и дружественной обстановке.

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

Советские руководители в посольстве Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Фото А. Гостева

ПОСЕЩЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА

6 мая товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Сулов, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимагин, К. В. Русаков посетили посольство СФРЮ в СССР в связи с кончиной Президента СФРЮ, Председателя СКЮ Иосипа Броз Тито.

Минутой молчания они почтили память выдающегося государственного и партийного руководителя Югославии, видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, неустанный борца за мир, придававшего важное значение развитию всестороннего сотрудничества между СКЮ и КПСС, между Югославией и Советским Союзом.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства расписались в траурной книге соболезнований.

ПРЕБЫВАНИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА В БЕЛГРАДЕ

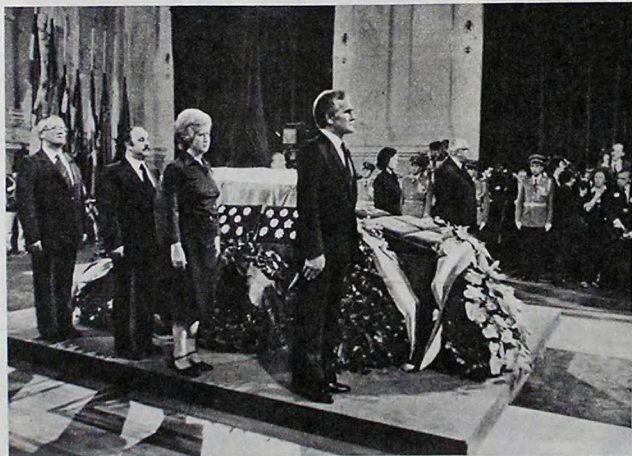
7 мая в Белград прибыла партийно-государственная делегация СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

В состав делегации входили член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член ЦК КПСС, посол СССР в СФРЮ Н. Н. Родионов.

Партийно-государственная делегация СССР во главе с товарищем Л. И. Брежневым посетила Скупщину СФРЮ, где был установлен гроб с телом Президента СФРЮ, Председателя СКЮ Иосипа Броз Тито.

Делегация возложила венок и почтила минутой молчания память покойного. Она сделала запись в траурной книге соболезнований.

Белград. Скупщина СФРЮ. Минута молчания.

Телефото Э. Песова и В. Соболева [ТАСС]

Во время беседы.

Телефото Э. Песова и В. Соболева (ТАСС).

ВСТРЕЧА С РУКОВОДСТВОМ ЮГОСЛАВИИ

7 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с руководством Югославии.

В беседе, прошедшей в теплой, товарищеской обстановке, приняли участие: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член ЦК КПСС, посол СССР в СФРЮ Н. Н. Родионов; с югославской стороны — Председатель Президиума СФРЮ Л. Коллинковский, председательствующий Президиума ЦК СКЮ С. Дороньский, член Президиума ЦК СКЮ А. Грличко, член ЦК СКЮ, союзный секретарь по иностранным делам СФРЮ И. Врховец.

Выражая соболезнование в связи с кончиной И. Броз Тито, Л. И. Брежнев сказал: «Мне лично трудно и больно представить, что из жизни ушел товарищ Тито. Меня связывали с ним давние добрые отношения. Я им очень дорожу».

Л. И. Брежнев отметил, что во время встреч с И. Броз Тито были приняты основополагающие совместные советско-югославские документы, которые и ныне служат прочной основой тесного сотрудничества между Советским Союзом и Югославией. Советское руководство желает, чтобы в советско-югославских отношениях, продолжал Л. И. Брежнев, всегда царил атмосфера взаимопонимания и доверия, сердечности, абсолютное равноправие. Многие годы сотрудничества свидетельствуют, что в лице Советского Союза народы Югославии имеют верного и надежного друга. Советские люди всегда хотели и хотят видеть братскую Югославию единой, сплоченной, процветающей страной, успешно строящей социализм.

Югославские руководители, со своей стороны, высоко оценили сотрудничество во всех областях между Югославией и СССР как по государственной, так и по партийной линии.

Обе стороны заявили о решимости всемерно расширять сотрудничество между КПСС и СКЮ, между СССР и СФРЮ.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ ПРЕЗИДЕНТА МОК М. КИЛЛАНИНА

7 мая в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял президента Международного олимпийского комитета Ларса Килланина.

В ходе беседы отмечалось, что Советский Союз полностью выполняет взятые на себя обязательства и делает все, чтобы в нынешних сложных международных условиях был сохранен благородный дух олимпийского движения, основанный на доброй воле и

дружбе между народами. Состоялся обмен мнениями по проблемам, возникшим в международном спортивном и олимпийском движении.

На встрече присутствовали председатель Оргкомитета «Олимпиада-80», заместитель

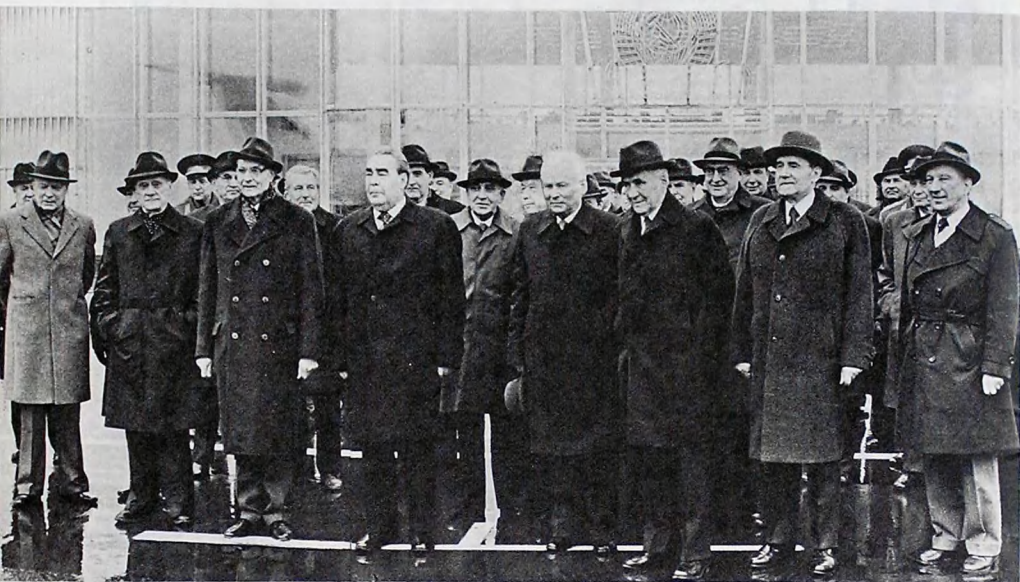
Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиков, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, первый заместитель председателя Оргкомитета «Олимпиада-80» В. Г. Смирнов, директор МОК Моник Берлю.

Во время беседы.

Фото В. Мусалыгина (ТАСС).

ОТЪЕЗД СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА СОВЕЩАНИЕ ПКК В

Проводы на аэродроме в Москве.

Фото А. Гостева

ПРИБЫТИЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В

Встреча в Варшаве.

Телефото В. Мусальяна и В. Соболева [ТАСС]

13 мая из Москвы в Варшаву для участия в очередном совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора отбыла советская делегация, возглавляемая Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

В состав делегации входит член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, секретарь ЦК КПСС К. В. Рухомов, член ЦК КПСС, первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Н. В. Огарков.

На аэродроме делегацию провожали товарищи Ю. В. Андропов, В. Б. Гринин, А. П. Кириленко, М. А. Суслов, Н. А. Тихонов, К. С. Горбачев, В. В. Кузнецов, Б. Г. Пономарев, И. С. Соловьев, И. В. Калинин, В. И. Долгих, М. В. Зминых, члены ЦК КПСС, кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС и другие товарищи.

Вместе с делегацией в Варшаву отбыли помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александрова, А. И. Блатов, заведующий Отделом ЦК КПСС Л. М. Замiatин, первый заместитель заместителя иностранных дел СССР В. Ф. Малцев, помощник Председателя ЦК КПСС Министров СССР Б. Т. Бацанов, заместитель заведующего Отделом ЦК КПСС Г. И. Шахназаров.

Среди провожающих находился посол ПНР в СССР К. Ольшавский.

Советская делегация, возглавляемая Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, прибыла 13 мая в Варшаву для участия в работе очередного консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

В аэропорту, украшенном гостеприимными баннерами, СССР и ПНР, советскую делегацию встречали Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек, Председатель Государственного совета ПНР Г. Яблонский, Председатель Совета Министров ПНР Э. Бабюх, члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ПОРП, секретари ЦК ПОРП, другие партинные и государственные деятели, а также посол СССР в ПНР Б. И. Аристов.

При встрече был выстроен почетный караул и исполнены гимны Советского Союза и Польской Народной Республики.

В этот же день состоялась дружественная беседа товарища Л. И. Брежнева и других членов советской делегации с товарищами Э. Гереком, Г. Яблонским, Э. Бабюхом, другими польскими руководителями.

Запахавшая во многих районах страны весна до предела уплотнила сроки проведения полевых работ. Омичи, поднимавшие страну в минувшем году большим хлебом, стремятся ничем не жертвовать, ударно, с отчаянной страстью загудели моторы на бескрайних просторах. Буквально за считанные часы провели задержку влаги, что особенно важно в эти засушливые ступи, замедляющие сокозла «Риса», «Пшеницы» — одного из крупнейших зерновых хозяйств области. Вешние работы наводило немна правоплановых трудовое созидания механизаторов.

Секретарь парткома совхоза В. И. Кузьменко вручает трактористу И. А. Гавриличу красивый флажок за успехи в работе.

Фото А. Чепурно (ТАСС)

ЧЕРКЕССК

УЛИЦА КОНДОЛОВЫХ

Структура-малыра треста «Карачайчеркесской» Нину Александровну Кондолову уренговали туристической путевкой для поездки в Болгарии. Прямки — сама по себе всегда радость, но тут радость была необычной, и ней примешивалась надежда встретить за Дунаем родственников. Дело в том, что отец Нины Александровны — Александр Петрович — родился в Болгарии. Мальчишкой вместе с братом Михаилом он покинул родину: из Варны вальдский тайком приплыл в Одессу. А в Болгарии остался отец и старший из брат Иван. Шли годы. Кондолов женился в

России, родились дети. Из писем, которые изредка приходили от родных, Александр Петрович знал, что Иван в Болгарии тоже со временем женился. У него росла дочь Мария. Училась Великая Отечественная война, связь с Болгарией прервалась. А потом Александр Петрович умер. Но перед смертью успел напомнить дочери: «Постарайся съездить в Болгарию, там твоя есть двоюродная сестра».

И вот теперь эта путевка! Нина Александровна не очень надеялась на встречу. Столько времени прошло, столько событий! Война по Европе проити-

лась... Да и знала она только имя и фамилию сестры. Но фамилия то девичья.

Когда Нина Александровна обратилась в Софии с просьбой отыскать родственников, ей охотно помогли. Народная милиция, работники радио и телевидения — все было по пискам. Нина Александровна была в Пазаржике, тогда и ней нагнали ее сестра Мария с мужем Тотю и дочерью Мариной. Тутую передали, словарили радость встретились. Но Нина Александровна в Болгарию много родственников. Ее племянники живут в городе Велико-Тырново, а возле этого города есть село Калитово — там целая улица Кондоловых. И ведь Нина Александровна боялась, со всеми встретилась. Конечно, всех пригласила и себе, в Карачаев-Черкесскую автономную область.

Идите, приедем, — отвечали ей.

Понти год минул. И вдруг телеграммы: «Встречайтесь! Первой приехала сверекл племянница Мария. Вслед за ней — Марина с мужем Георгием и дочкой Богданой. Веселым напомним дом Нины Александровны. И тут выяснилось, что Марины и Милана Кондоловы работают... в Коми АССР. В Болгарию много лесов, и болгарские посетители «Черкесского» побывали в Тебеле, на Дюле, в городах охоты Карачаев-Черкесии. Они познакомилась со столицей — Черкесском, посетили «Исторический музей», побывали в Минеральных Водах. Были они и в музее защитников партизан Кавказа. Прощаясь, говорили на разных языках: «До новых встреч».

В. ФИЛИПЕНКО

ДОНБАСС

«ВЫ ВЕДЬ В ГОРЛОВКЕ!»

...Четкая работа железнодорожного кассира не позволяет удлиниться очереди, она устает на глазах. Но вот появился нетерпеливый пассажир: — Побойте же можно!

— Конечно, можно, — отвечает женщина по ту сторону окошка. — Вы ведь в Горловке. Засекайте время! Пока-

луста, готовой! Следующий... Многие заулыбались. Откуда у кассира такая выдержка?

Вместе с начальником вокзала А. Г. Сатагаловым входив в помещение кассы. На рабочем месте стоявшего кассира Н. И. Корольковой и ее кокетку чутливо обошли строки приписки составленных списков работников: «Обслуживая пассажиров в усталах — теплом, грубым — хладнокровием, обидчивым — застенчивым — предупредительным».

В этом весь секрет успешного горловки!

Только финишная часть, психологическое обеспечение его, — замечает Алексей Григорьевич Сатагалов: «А начало — в совершенстве мате-

риально-технической базы пассажирских перевозок, диспетчерской и информационной служб, в механизации и автоматизации билетно-кассовых операций. Теперь наш железнодорожник может сказать, возмужав, обслуживая в год почти полмиллиона пассажиров».

В Горловке открыт объединенный центр железнодорожных и авиационных пассажирских операций, где продаются билеты. Как сообщают пассажиры, чалынина Донецкой железной дороги.

В 1980 году объем пассажирских перевозок достиг уровня, предусмотренного на конец десятилетия.

В. КОСТЫРЯ, спецкор «Южная»

ФАРФОР, КЕРАМИКА, ЖИВОПИСЬ

В зале выставки.

Фото А. Нагальникова

В Москве открылась выставка работ народного художника РСФСР Михаила Михайловича Таравина. На ней показаны прекрасные чайные сервизы, тарелки, вазы, «Рубины», «Лето», «Вербики» и четкие, лаконичные линии. «Русский витязь» — белый с золотом, с крыльями, повторяющими форму куполов-лукович. «Витязь храмов». Все эти наборы из фарфора уникальны и существуют пока только в одном экземпляре.

Керамнику мастера, его чайные и кофенные сервизы, вазы, скульптуру можно приобрести на прилавках магазинов — арт-тиранизации. И конечно, кто-то из читателей «Южной», возможно, уже знает себя дома работы замечательного художника.

ИГОРЬ

Игорь ДОЛГОПОЛОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР

Май 1890 года. В абрамцевский дом Мамонтовых вошла весна. У окна — двое. Один высокий, прямой, сдержанный — Нестеров. Другой помечен ростом, худощавый, подвижный — Врубель.

Два Михаила, два художника.

— Вот уже месяц, как работаю над «Демоном», ничего не получается, — горючо, взволнованно проговорил Врубель, — пишется все не то. Мечусь и мучаюсь между работой и порывами к клубу жизни.

Ветер открыл окно, с улицы слышно прохладой и свежести.

— Задумал я отразить нашу национальную русскую ноту, — продолжал Врубель, — красивую, могучую и... немного печальную.

На Нестерова глядели странные прозрачные глаза. Быстрые, нервные, почти судорожные движения рук только подтверждали чрезвычайную ранимость творца «Демона».

Врубель оперся о подоконник и забко пожелсил.

— Мою искренность, — сказал он, — мое стремление к передаче страстных духовных движений, к экспрессии принимаю за парадокс, хотя иногда я сам чувствую, увы, что ничего этого не сделал.

— Михаил Александрович, — нетерпеливо промолвил Нестеров, — настоящие художники: Илья Репин, Виктор Васнецов, Валентин Серов — все любят, ценят ваши творения, ждут многого, очень многого.

— Легко, Михаил Васильевич, все это говорить, — взорвался Врубель, — хорошо, когда у вас уже есть «Варфоломеев».

— Дорогой мой, — ответил Нестеров, — если бы вы знали, какие адамы муки я принял, написав «Варфоломея». Меня ругают и сегодня. Ведь совсем недавно говорили, что я сумасшедший. Это мне сказала простодушная и милая барышня.

Он одернул строгий черный сюртук.

— В Петербурге, в Москве слушал я большие неприятности о «Варфоломее», как доброго, хорошего человека, которого так высоко оценили. Думаю и верю, что он победит все препоны.

Кто мог предсказать в тот светлый, майский день, что Михаилу Врубелю осталось творить всего каких-нибудь полтора десятка лет. Но все же успеет он за этот короткий срок создать картины, поразившие людей, страстные полеты фантазии, стремления, постигшие мир, неведомый человеку, которые поистине станут драгоценными жемчужинами русской школы живописи. Он не вынес перепадов неприязни и внезапной славы, лет бедности. В конце жизни так заболел и последние годы провел в психиатрической лечебнице.

Другому участнику этой встречи в Абрамцеве — Михаилу Нестерову суждено было писать еще добрых полвека. Он ушел от нас в год своего восьмидесятилетия, в 1947 году.

Жизнь после жизни. Жгучая неотвечная бездна.

Однако искусство, поэзия, музыка, любое большое творчество находят ясный ответ — великое создание живет после смерти художника, писателя, композитора.

Искусство — бесмертно.

Живилец, увидевший по-своему новы, время, людей, мир природы. Отчужду и восторгавшись это в картинках ярких, звучных, а в ч. ч.

Так полноудная река уром отражает в себе глады светлую, румяную, белую. Днем зыбкая рябь несет в себе сверканье солнца и бег облаков. Вечерней злати тект в покатых волнах. Наступает ночь, и тогда в черном зеркале вод, река бежит лунный след и мерцают искры звезд. Кажется, в эти тихие мгновения земной трепетной красы почует сама вечность.

Чем крупнее художник, чем более велик дар его музыки, тем мощнее, объемней и красочней мир его полотен.

На берегах реки Белой в городе Уфе родился 31 мая 1862 года большой русский живописец Михаил Васильевич Нестеров. Еще Аксаков воспеет природу этих уральских краев, сказочно неповторимых. Творчество мастера похоже на кристальные воды реки Белой — могучие, полные скрытой силы, изюнойной своеобразной прелести.

Замечательная картина — «Видение отроку Варфоломееву», написанная накануне двадцатого столетия, определила многообразие нашего пестрого и светлого века. Удивляет больше всего, что, используя в этой картине последние достижения европейского плеризма XIX века, художник создал феноменальное по духовности русское произведение.

Бывают личности, которые своей жизнью, долгой и многогранной, творчеством ярким, честным, духовно сложным создают национальное богатство, становятся частью истории Родины. Ей безраздельно, до последнего дыхания, отданы все их помыслы. Целком, без единого сомнения в правильности раз найденного пути.

Нестеров... Шестидесять лет труда, каждодневного, упорного, строгого, бескомпромиссного. Судьба его непроста. Ему довелось начинать

свою жизнь в искусстве рядом с гигантами русской школы — Суриковым, Репиным, Васнецовым, учиться вместе с Левитаном и Константином Коровиным. Показывал он на выставках свои полотна рядом с Врубелем, Валентином Серовым, Виколиппеи, живописцем, он уже в ранних работах обрел свой о голос. Родился «нестеровская красота Руса» — лирическая, удивляющая свежестю, сердечностью. Мастер владел могучими средствами пластики. Но главная его сила заключалась в проникновении в самую суть русской души с ее глубиной, подлинно, любовью к ближнему. Большие полвека творить и создавать шедевры, ничуть не теряя первоначальной остроты и напряжения, — по д-в и г!

Это служение искусству являет собою достоверный пример самоотверженности, той поразительной духовности, которая свойственна не многим. Нестеров — фигура историческая, он показывает нам пример суровой неприхитливости, гражданственности, патриотизма в самом высоком понимании этого слова.

Велика его роль хранителя традиций русского реалистического искусства и в то же время новатора, давшего нам совершенно новые толкование сюжетов, давно известных. Его искусство развивалось на рубеже двух веков. Первые картины, ставшие ныне классикой, были открытыми для широкого зрителя. Муза осенила художника на великий труд, чтобы одолеть сложнейшие по духовной точности сюжеты. Древняя Русь с ее героикой, былинностью, дивной природой, словно живая, предстала в его холстах. Они были настолько необычны, что при всей классичности исполнения вызвали недовольство, злуп и критику. Но живописец был уверен в своей правоте, он держал! Сегодня ясно, насколько значителен его вклад в мироощущение старых Руса, переданное языком нового искусства. Нестеров сумел воплотить темы национальные в форму настолько высокую, что его холсты могут быть справедливы отнесены к шедеврам мирового значения. Он творил во время «русского Ренессанса», как и Врубель, Валентин Серов, Левитан, Рябушкин, Виктор и Аллопнаррий Васнецовы, Борисов-Мусатов, Бенуа, Кустодиев.

Это движение в нашем искусстве характерно осмыслением русской истории, оригинального творчества Рублева, глубиной проникновения в классические наследие русской и западной живописи и одновременно освоением новейших импрессионистских. Традиции и новаторство — вот два столпа, на которых змился новый храм русской школы живописи конца XIX — начала XX века.

В 1874 году из далекой Уфы в Москву приезжает паренек — Михаил Нестеров. Через три года восторженный провинциал принят в Училище живописи, ваяния и зодчества. Долго бродит он по древней столице Руси, любуется Кремлем, Китай-городом... Потонулись годы учебы, но юноша никогда не забывал свой дом, старинный уклад быта, свою мать, о которой он после написал: «Она была с ясным, разумным мировоззрением, но с очень сильной волей и крайне деятельно; то, что она переделала в своей области, оцены завышенно и может служить красноречивым примером неутомимости в труде».

Детство. Родное гнездо. Первоначальная природа. Неохватные суровые, полные былинной красоты просторы — все это оставило в душе след незабываемый. Это была почва, на которой возрос его недоимый талант.

Училище живописи... Все здесь жило Перовым, дышало им, носило отпечаток его мыслей, слов, бед. Поэтому неомо удивлялись, что первые холсты молодого художника были проникнуты духом Перова. Хотя, конечно, в Училище были и другие преподаватели, и иные студенты. Нестеров восхищался работами братьев Коровиных, Левитана.

На третий год учения он экспонирует на ученической выставке картину «Сотезьдом».

Вернисаж. Все ждут Перова. Вот как описывает сам Нестеров этот день.

«Появился и он... Мы тотчас окружили его, и просмотру начался. Моя картина стояла в натурном классе, слева у окна. Долго мне пришлось ждать, пока Перов дошел до нее. Мою новую страсть билось-билось, я переживал надею, еще неведомое чувство: страх, смешанный со сладостной надеждой».

Перов остановился против картины, все сгрудился вокруг него, я спрятался за товарищей. Бдительное осмотры картину своего кстремизма взглядом, он спросил: «Чья? Ему ответил: «Нестеров». Я замер. Перов быстро обернулся назад, найдя меня взором, громко и неожиданно бросил: «Акаков-С!» — пошел дальше. Что я переувствал, пережил в эту минуту! Надо было иметь 17 лет, но впечатлительности, чтобы в этот момент увидеть свою судьбу, нечто провиденциальное... Я почувствовал себя счастливейшим из людей, забыв все, оставив и Перова и выставку, бросился бег из училища и долго бродил одиноким по стогам и всам московским, переживая свое счастье».

М. Нестеров. 1862—1942. ПОРТРЕТ В. И. МУХИНОЙ. 1940.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Нестеров. ПОРТРЕТ П. Д. и А. Д. КОРИНЫХ. 1930.

Государственная Третьяковская галерея.

9

Адам ШОГЕНЦУКОВ

БРАТЯ

Здесь плечом к плечу
стояли братья,
защищая горный перевал,
мировой жизни защищая счастье,
чтобы враг
его не растоптал.

От разрывов мин стонали горы
и дробился на куски гранит.
Крыльями взмахнув,
как черныш ворон,
кловом
смерть нацелилась на них.

Выстояли.
Сбросили к подножию
гор оставшего врага.
И оплут
целые вершины пороша,
и чистей альпийские луга.
И стоит сонна у обелиска,
молодая,
легкая сонна,
перед ним
склонилась низко-низко
голову зеленую она.
Крепкими, утругими корнями,
как горняк,
врубилась в толщу скал.
Кровь и порох —
под ее ногами,
прах погибших и осколки сталь.

Июга,
спускаясь с перевала,
горняки торопятся в бой,

ПРАВДА ГОР

каждый добрым словом поминает
тех,
кто спит давно в земле сырой.

Не достроил дом.
Один фундамент
в сорок первом заложил отец.
За лесами гд-то,
за горами
встретил смерть он стойко,
как боец.

В сорок третьем сын его,
подросток,
дом достроил.
И ушел, на фронт.
В сорок пятом
в безымянной роде
был он пулей вражеской сражен.
Ну, а дом стоит,
снят око.
Он заполнен гомоном детей.
Не жалая горла,
сладким соком
поливает ночи соловей.

Голубеет над горами небо.
Утро тихо тронуло карниз.
Смерти нет.
В делах — людей бессмертье.
Дом стоит —
бессмертье обелиск.

В мире —
все вместе.
Умолкнет скворец —
ласточка с восточа
летит, как голец.

В мире —
все рядом.
Пожмуут луга —
озимая радость
пробьется в полях.

Жизнь —
это море.
Не отделишь
радость от горы.
Вместе их путь.

Тыма вперемежку
со светом —
в глазах.
Утро и вечер —
вечности шаг.
Верю —
в начало.
Не верю —
в конец.
Судьбы вечновет
жизни венец.

Горы молчаливы,
если ветер
их вершины не потревожит сон.
Кучевые облака,
как дети,
к ним приходят утром на поклон.

Но порой достаточно и слова,
чтобы вызвать гибельный обвал.
Правда гор,
как каменлад, сурова —
перед ней
пасует и металл.

Только волн
ледодру упорный
сладколет с крепостью снегов.
И с трудом
уста отперют горы,
страшная глыба ледников...
Напрягая же волю, гордый пунтик,
сохраняя ее всегда в пути.
Горы —
это труд, и пот, и муки.
А вершина —
вечно впереди.

ГОРНЯК

Под землей, под толщей складок
скальных,
он надежен, как забоя крепь.
Речь его весома,
точно камень,
намышет душу,
словно хлеб.

Смену сдвз,
отмыва лицо и руки,
распахнув рубашу на груди,
он спешит туда,
где на залуе
между скал седой Баксан гудит.

За рекой расцвел садина горой,
ством там, где на улице одной,
в окнах — солнце,
а над крышей — горы,
яблоно шелест —
за глухой стеной.

Он спешит,
весны не замечая,
что повсюду пролила свой свет.
Ранние тольпаны отцветают,
дизинц аблон
облетает цвет.
Вот и дом,
что сердце леской лечит,
радостя в нем и вечная весна...
И она идет ему навстречу.
«Добрых вечера» —
говорит она.

Молодость не совместить
с печалью —
у нее убийка на устах.
Светом жизни
молодость венчает
каждый вздох свой,
каждый взгляд и шаг.
Осыплет ветер пылью снежной
головы и плечи тех парней,
что друт домой,
окончив смену,
по пушистой
снежной целине.

За сплной —
рудник и пролозия.
В низком небе солнце —
как желток.
На губах потрескавших твет
торопливо спеленный снежок.

Жизнь пьянит неконечной
работой.
И по ней
они равняют шаг.
Потому что под землей —
за боем —
целый мир
лежит на их плечах.

Перевел с кабардинского
А. ГОРЮШКИН.

МАЯ

Жизнь начата
Как бы внезапно,
Как сил и мумества
Разведа.
Все из вчера
Стремится в завтра
Путем бодрящего расцета.

Как разум
Сердце озарет
Тревогой,
Болью, дерзновением,
Так неподдажности не знает
Способный к росту и цветению...

И для добра
С упорством мая
Трудится, сметаю аз застоя,
Суть мирозданья утверждая
Неповторимой красотой,
Будь в поиске высоты истин,
Как падиг, чист и бескорыстен.

Перевел с кабардинского
Б. ДУРОВИН.

нимаешь. А значит, я призываю:
«Если не нашел — ищи!» В любом
возрасте, при любых обстоятельствах!
Меняю свое удили и чувствительности.
Вал К.
Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя это
письмо молодого человека, едва
вступающего в жизнь, мы хотим,
чтобы наши читатели помогли Вале
К. Проблемы выбора профессии,
отношения к труду, к своему месту
в жизни — понятия сложные, и мо-
лодой девчушке трудно самой в них
разобраться. Интересно, что дума-
ет Валюшка на этот по поводу спора
Вали с матерью? И что такое во-
обще романтика труда, свобода
творчества, с одной стороны, и
необходимость «нудной» труд — с
другой? Особенно интересно, как
относится к этому письму Валлины
сверстницы и ровесники ее мате-
ри. Люди, имеющие опыт, знания,
прошедшие большую
дорожку жизни. Ждем ваших писем,
дорогие читатели.

Здравствуй, дорогая редакция!

Уже второй раз я перечитала
статью Г. Куликовского «А. чело-
век ищет...» («Огонек» № 4 за
1980 г.). И решила написать.

Мне 21 год. Я еще молодая, хотя
уже 4 года, как провела меня
последний звонок. За эти годы
много успела пережить и «пере-
пробовать».

Сразу после школы, не полу-
чив в институт, пошла работать
художником, вначале было ничего,
а потом... надоело. Надоело до не-
возможности. Стала говорить об
этом матери. Она меня не понима-

ла: «Как это не твою работа? Не
хочешь — так и скажи! Сейчас
молодые сами не знают, что хотят,
все ищут чего-то необыкновенно-
го. А я вот где бы ни трудилась,
мне всякая работа в радость, ве-
де душу отдаю».

Мне было обидно от ее слов.
Ведь на работе мы проводим боль-
шую часть своей жизни. И эту
часть проводить неохота, не хочу.
Но меня никогда не ругали, а
наоборот, хвалили. В общем, удо-
волялся и по собственному жела-
нию поехал в Москву, поступи-
ла в строительное училище. Ва-
чала очень нравилось, а потом
вышла на работу — разочарова-
лась. Думала — романтика, свобо-
да, творчество. А не тут! Увидела
совсем другое. Ну, год кое-как от-
работала. Устал. Ошибался опыт!
Вышла на работу — разочарова-
лась. Любая работа — в ра-
досте. Только «любовь» в мас-
штабе для всего человечества, все

не могут заниматься одним делом.
А вот для меня та работа в ра-
досте, которую я хочу делать, по 8
часов работать не жалко, чтобы
даже и обидеть забывая. А что
трудится, чтобы быть полезным, то-
бы оставить после себя хоть на-
маленькое, бесценно, нужно от-
давать себя, все до истощения
этой любимому делу! А если оно
нравится!

Конечно, можно перенести, за-
ставить себя, сказать «надо». Но
стоит ли? Ведь тогда и смысла и
удовольствия не будет. Получится,
что ты все равно будешь ду-
мать: «Скорее бы проснуться, сна-
чала утро, а потом...»
И действительно, захват и почет,
и денежка, и зарплата! Ведь бес-
цельно живешь, чужое место за-

Вспоминания

С первым заместителем министра обороны СССР, Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств — участниками Варшавского Договора, Маршалом Советского Союза Виктором Георгиевичем КУЛИНЫНЫМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Наталья ИВАНОВА.

Готовясь к этой встрече, мы решили, что я возьму с собой почту «Летописи Великой Отечественной» и журналы с опубликованными фронтовыми письмами. Интересно, а сохранились ли письма двадцатилетнего лейтенанта-танкиста Виктора Куликова, который вступил в бой в самые первые дни войны? С этого вопроса и началась наша беседа в рабочем кабинете маршала. На зеленом сукне стола для заседания — пожелтевшие, истертые фронтовые письма, сложенные треугольником. Виктор Георгиевич с волнением перебирает их, вычитывает в адреса, написанные разными почерками.

— Очень, очень памятные мне эти треугольники... Писали мы их, едва стихал бой, спешили обрадовать близких: «Жизнь, здоровье, продолжаю воевать». И моя мать с тревогой и радостью ждала весточки с фронта. У нее я был единственный сын.

Отправившись от писем, маршал открывает журнал номер «Южная» с объявлением о «Летописи Великой Отечественной» и встает, зачитывает:

«Вступая в год 35-летия Победы, мы обращаемся к участникам минувшей войны, к их отцам, матерям, женам, детям и внукам: пригласите нас в редакцию фронтовых писем и сфотографируйте».

— Душа, вы получили немало таких бесценных документов! Их хранят по сей день, как реликвии, особенно в тех домах, где так и не дождался своих родных и любимых.

Я рассказываю Виктору Георгиевичу, что редакцией уже получено почти тысяча писем. Но в действительности почти «Летописи» гораздо больше: ведь многие прислали не одно, а целые папки фронтовых писем. И, конечно, просит товарища главнокомандующего считать участником этого интэрвью ветеранов, отцов, жен, детей живых и павших солдат — словом, всех, кто откликнулся на призыв журнала.

— Охотно! — соглашается маршал Куликов. — Вы делаете хорошее и очень полезное дело, собирая свидетельства неминуемо тяжелой, суровой битвы, из которой наш народ вышел победителем. Память о войне — оружие против войны!

— Я хочу задать вам, товарищ маршал, тот самый вопрос, с которого «Огонька» обращалось ко всем ветеранам. Какой из военных эпизодов остался самым памятным? — Памятно все, буквально все! Уже тридцать пять лет минуло, а я так хорошо помню все: до полугода четыре года, словно это было совсем недавно... Особенно помнится самый первый день войны.

— 10 июня 1941 года курсант Гравинский полкового военного училища Виктор Куликов, как и многие другие, был десантирован

и направлен в Киевский военный округ. В тихом пограничном городке Базилеве-Вольском стояла 41-я танковая дивизия, где лейтенант Куликов начал службу помощником командира разведроты 41-го разведбатальона.

— Меня часто спрашивали: знали ли мы, молодые командиры, о том, что война стоит на пороге? — нетерпеливо вспоминает маршал. — Конечно, мы ощущали ее тревожное приближение. По тому, что начались досрочные выпускные экзамены. И не только на нашем, но и на пером курсе! По дороге в Киев мы увидели зениты с войсками Север-Кавказского военного округа, из которых была развернута 19-я армия генерала Котлова. В полном составе она шла на запад. По Владимир-Волынский приближение военной грозы чувствовалось еще сильнее. Ведь граница проходила всего в 12 километрах от города, и ее нарушали разведчики противника, через нее пытались пробиться диверсионные группы. И потому, почти каждый день совершались разведческие вылазки вглубь границы или вступали в наше воздушное пространство. Но мы, молодые командиры, смотрели на это с героическим настроем, ждавшим подвига, свойственной молодежи.

22 июня на наш военный городок обрушился внезапный артиллерийский шквал. Под разрывами снарядов я домыслил до казармы. Комбат поручил мне с подразделением обеспечить связь с соседней 87-й стрелковой дивизией, которую должны были подорвать два наших танковых батальона. Три танка уже проехали в 87-й дивизию и видел, как героически защищаясь, не чести приграничную зону. Во второй половине первого дня войны они провели контратаку и отбросили полки 44-й пехотной дивизии врага на 4-5 километров, к самому Бугу, а отдельные подразделения 87-й дивизии форсировали его, что записано в дневнике 14-й танковой дивизии противника. 87-я дивизия, как и соседняя 124-я, на третий день войны оказалась в окружении, но 25 июня вырвалась из него и на восьмой соединилась со своими войсками. 124-я стрелковая дивизия по тылам противника шла целый месяц и только пробилась к своим.

Я с разведчиками соединился со своим батальоном в районе контррудра 215-й мотострелковой дивизии нашего корпуса. — А дальше? Как сложилась дальнейшая судьба? — Главнокомандующий тронул рукой седые виски, улыбнулся не ожиданию молодого и озорного. — Вот ведь какая это любопытная штука — военная судьба! Про

шел еще войну, и в атаке не раз приходилось ходить, но, как ни странно, ни разу не был даже ранен! Контунги были, а ранений — ни одного. И ведь в каких жестоких боях побывал! И тогда, когда мы отходили от Чернигова на Прилуки и Валуки, и потом, в сорок втором, во время Ржевско-Сичевской операции.

Он помолчал, уйдя в воспоминания.

— Был у меня фронтовой друг. Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

Умница, отличный танкист Игорь Алексеев. Вместе мы мечтали о том, как будем жить после войны. Вернулся как-то Игорь из трудной разведки, и потому его отозвали в землянку. Он отдал: «Лучше письмо на отмену».

И снова я рассказываю маршалу о почте «Летописи». Именно сейчас, когда мы отмечаем 25-летие Варшавского Договора, все, кому довелось быть свидетелем зарождения на полях битвы с фашизмом нашего боевого содружества, вспоминая о нем с особым чувством. В Магдебурге по инициативе Вера учредила в составе 33-й дивизии звания дальнего действия в переброске через линию фронта в Словакию чехословацких добровольцев и оружия для готовившегося восстания, да что была награждена медалью «За отвагу». Участники 7-й Ленинградской партизанской бригады А. И. Гончарев прислали фотографию руководителя группы немецких антифашистов Вильгельма Мартенса, вместе с которым они ходили в разведку в немецкие тылы. А директор средней школы в совхозе имени Жданова, Ураль-

Фото В. Чиликина

ской области, Александр Битниц рассказывал о своем отце, которого никогда не видел. «Учитель Иван Евфимович Кичин, надел солдатскую шинель в 41-м, а в октябре 43-го года в наш дом пришла «похоронка». В ней сообщалось, что мой отец, младший лейтенант командир пулеметного взвода из 233-й танковой дивизии, проявив героизм и был убит 13 октября в боях и похоронен в селе Ленинского областного. Позже я узнал, что в этот же день Ленинские впервые вместе с советскими войсками прислали участника Варшавского Договора Ивана Костюмина, а 233-й танковая бригада, в которой воевал мой отец, получила наступление польских войск... Я был в этом селе. День Возрождения Польши — когда по традиции здесь встречаются советские и польские воины. Я стоял в музее у стенда с именами погибших в боях советских и польских воинов. На этом стенде, в девятую годовщину, на дватой строчке стоит имя моего отца».

— Да, вот как они читаются в судьбах людей, страницы истории — это незабываемый Битниц Виктор! — нетерпимо прокиньтесь Виктор Георгиевич. — Первой иностранной воинской частью, сфор-

мированной на территории СССР и участвовавшей в боях, был отдельный чехословацкий батальон.

Он родился в феврале 1942 года в городе Бутурлики в Оренбургской области. Состав личного состава батальона было 56 членов КПЧ, а командование им принял подполковник Людвик Сабора. По просьбе командира батальона направили на один из самых ответственных участков фронта, под Харьков. В боях за Соколов он отличился надporučиком Отмаром Яном. Ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Это был первый иностранец, удостоенный самой высокой награды нашей Родины!

В мае 1943 года под Рязанью было начато формирование 1-й польской дивизии имени Костюшко. Это в самом начале войны среди польских коммунистов, находившихся в эмиграции в СССР, возникла идея создания польского батальона, который бы сражался в составе Красной Армии против фашистов. По предложению коммунистов с польскими эмигрантами правительством в 1941 году разрешено было формирование полка пехоты. Через год оно и основанное им батальоном, и в это трудное для нашей Родины время генерал Андерс по требованию «люндского правительства» уводит его за пределы Советского Союза.

После окончания битвы под Сталинградом Советские патриоты обратились к Советскому правительству с просьбой, чтобы коммунистами В. Васильевым, А. Заварухиным и другими ровнялись в нашей стране польского воинского соединения.

После окончания Советского правительства формированию 1-й польской дивизии имени Костюшко началось в мае 1943 года, а в октябре она уже получила боевое крещение под Ленно.

Всего за время войны Советским Союзом в порядке международной помощи были вооружены и подготовлены 19 полковых, 5 артиллерийских и 3 авиационных дивизий, 6 полковых и воздушно-десантных, 8 танковых, 12 артиллерийских, 12 артиллерийских минометных, 3 инженерно-саперных бригад и большое количество других национальных частей и соединений. Обширность этой формирования и концу войны достигла 555 тысяч человек. На их вооружение товарищем Советским войскам передано 16,5 тысяч орудий, свыше 1100 танков и самоходно-артиллерийских установок, более 1300 самолетов и много другого оружия и боевой техники.

Вспомогательные и обученные с помощью Советского Союза национальные формирования приняли активное участие в борьбе с фашистскими захватчиками. Соединения в части Войска Польского в одном строю с Советской Армией сражались за освобождение Белоруссии и Украины, восточных земель Польши, а также в танковых операциях, как Висла-Одесская, Восточно-Померанская, Берлинская, Пражская. Соединения в части чехословацкого армейского корпуса вели бои за освобождение южной Польши и на северо-восточных рубежах Чехословакии. Румыны и венгры участвовали в освобождении чехских народов Венгрии и Чехословакии, а болгары — в освобождении Югославии, Венгрии и Чехословакии.

Большой вклад в дело разгрома фашизма внесла Народно-освободительная армия Югославии, разделенная тысячами километрами, Советская Армия и ЮОА с первого года войны сражались фати-

тически в едином строю против общего врага и своей борьбой оказали друг другу неоценимую помощь.

Мы отдали дань уважения ратным подвигам своих боевых друзей, которые воевали с войсками Советской Армии проливая кровь на полях сражений и внесли достойный вклад в общее дело Победы. Мы по достоинству оцениваем деятельность Национального комитета «Свободная Германия», который вел большую пропагандистскую работу как в лагере немецких военнопленных, так и на фронте.

— Виктор Георгиевич, расскажите, пожалуйста, где вы встретили Победу?

— Война шла к концу. До Берлина оставался десятки километров.

В эти дни наша бригада наступала в составе войск 2-го Белорусского фронта, который имел задачу отрезать группу войск, идущих на западный фронт. Нам не позавидно бы нанести удар по войскам, штурмовавшим Берлин.

Бои за плацдармы на Одере были особенно тяжелыми и упорными. Но на шестой день сопротивление врага удалось сломать, и войска маршала К. К. Рокоссовского устремились к Эльбе и Балтийскому морю. Наша бригада поддерживала стремление танкистов, которые с боями продвигались все дальше на север-запад.

Третьего мая бригады 3-го гвардейского танкового корпуса вошли в соприкосновение с частями 2-й британской Армии. Но еще раньше было у меня непредвиденная встреча с союзниками. В районе Нойенфельстера мы двинулись по шоссе. Вдруг появился самолет, резко снижая и сел прямо на шоссе, перед нами. Я подошел к самолету, из него выскочил англичанин летчик. Противу меня карту, он показал, где стояли союзники, жестами попросил объяснить, где проходит граница фронта, и улыбнулся, обнял нас: «Они правы!»

Да, все будет в порядке: наш союз, завоеванный такой тяжелой ценой — союз на долгие годы! — так думали мы, встретившись. Висмарской бухты. Но уже через несколько недель после капитуляции Германии мы, фронтовики, ощутили, как улетучивается дружеское союзиство.

Потсдамская конференция провозгласила программу, которая должна была обеспечить Европе мирное будущее. Но минуло еще четыре года — еще не выплачены слезы вдов и сироты — а наши бывшие союзники, отказавшись от соглашения о демилитаризации Германии, принялись готовить ее себе в союзники. 5 дней Победы Уинстон Черчилль и Клинтон в Москву такую телеграмму: «Мир возмещен мужеством советского солдата. А год спустя в Европе снова объявлена война. Мы не навязываем коммунизму не меньше, чем ненависть Гитлера. 4 апреля

1949 года в Вашингтоне был подписан Североатлантический договор, своим острием направленный против СССР и стран Восточной Европы, вставших на путь социализма.

Объединившись, нацисты заговорили с нами с «позиции силы», шантажировали нас атомными бомбами, угрожая войны и интенсивно к ней подготовкой. По инициативе США создаются блоки в районах Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана. Границы Советского Союза и социалистических стран опоясываются американскими военными базами.

Наша страна, восстанавливавшая разрушенное войной хозяйство, развернула еще в то время борьбу за мир и мирное существование.

В феврале 1954 года на Берлинской конференции министров иностранных дел четырех держав СССР выдвигает проект Общевосточного договора с коллективной безопасностью в Европе. Его предложения отвергаются. Более того, западные страны усиливают угрозы войны, в НАТО принимают

В таких условиях социалистические страны не могли оставаться раздельными. 14 мая 1955 года в Варшаве гласным высшим представителям европейских социалистических государств подписали коллективный союзнический Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, в тот же день вступил в силу Варшавский Договор. В нем, в частности, говорилось, что стороны не могут не учитывать, что на страже мира.

Таким образом, создание этого военно-политического союза братских социалистических стран представляло вынужденную меру, являлось ответным актом на усиление прямой военной угрозы со стороны блока НАТО.

Вспомогательные и обученные с помощью Советского Союза национальные формирования приняли активное участие в борьбе с фашистскими захватчиками. Соединения в части Войска Польского в одном строю с Советской Армией сражались за освобождение Белоруссии и Украины, восточных земель Польши, а также в танковых операциях, как Висла-Одесская, Восточно-Померанская, Берлинская, Пражская. Соединения в части чехословацкого армейского корпуса вели бои за освобождение южной Польши и на северо-восточных рубежах Чехословакии. Румыны и венгры участвовали в освобождении чехских народов Венгрии и Чехословакии, а болгары — в освобождении Югославии, Венгрии и Чехословакии.

Большой вклад в дело разгрома фашизма внесла Народно-освободительная армия Югославии, разделенная тысячами километрами, Советская Армия и ЮОА с первого года войны сражались фати-

военных блоков, чтобы общими силами отстоять дело социализма и мира. И слова эти не расходятся с делом. В летописи Варшавского Договора за минувшую четверть века вполне известны и известны нам важнейшие инициативы в борьбе за прекращение гонимы вооружений и обеспечение европейской, а также международной безопасности.

Только за последние месяцы минувшего года и начало нового года руководители социалистических государств выступили с несколькими важными заявлениями, направленными на оздоровление международной обстановки. Мы можем с гордостью сказать, что на протяжении минувших 25 лет никто из участников Варшавского Договора не был и никогда не разрывал военного нейтралитета. В то время как США после окончания второй мировой войны многократно использовали вооруженные силы в качестве инструмента политики.

Вот данные, опубликованные американским институтом Брукинса. США с 1946 по 1975 год 215 раз осуществили свои вооруженные вмешательства за рубежом. За последние годы для вмешательства во внутренние дела других государств для достижения своих политических целей. Корабль ВМС США участвовал в 77 таких акциях, а ВВС наземного базирования — в 103 случаях. 19 раз США угрожали применить стратегические оружие. Дважды — в Корее и в Вьетнаме — применяли тактические ядерные бомбы, которые ставили мир на порог ядерного конфликта. За тридцать лет 15 государств высшего ранга не находили на военные цели более двух триллионов шестист миллиардов долларов! Сейчас темпы тонны вооружений расходуется с новой силой, что подтверждает решения, принятые на декабрьской сессии совета НАТО в Вашингтоне. Естественно, страны — участники Варшавского Договора не могут не учитывать это в своей практической деятельности и вынуждены принимать соответствующие меры.

Если судить по сообщениям американских средств, то возникает впечатление, что в США воинами высшего ранга не находят себе покоя оттого, будто союзники не имеют возможности кетты могут быть уничтожены советскими еще до их запуска. Ну, естественно, просят подтвердить огромные ассигнования на создание новых видов ракет.

— Миф о советской угрозе, как говорится, имеет уже длинную историю. Возник он вскоре после окончания Второй мировой и варьируется вот уже седьмое десятилетие. Разглагольствования о советской ядерной угрозе — один из любимых приемов Натовской пропаганды. Безусловно, советские ракеты обладают необходимыми техническими совершенством. Это известно всему миру. Но и американские ракеты, созданные в Европе. При заключении Договора об ОСВ-2 количественные и качественные параметры ракетно-ядерного вооружения обеих сторон восторженно и был найден разумный паритет. Однако ратификация

этого договора президентом США отклонено. Более того, его администрация назвала членам НАТО размещение на их территории ракет так называемой средней дальности. И по дальности пуска и по мощи ядерных зарядов они способны поразить крупные экономические, политические и военные объекты стран Варшавского Договора. Я уже не говорю о том, что с баз, расположенных вокруг социалистических стран, а также с подводных лодок, вооруженных ракетами, также могут быть нанесены по нашей стране многочисленные удары. Как видите, беспокойство об уязвимости ракетно-ядерной мощи США преувеличивается Пентагоном умышленно. Цель? Получить новые средства для развития стратегических вооружений и тем добиться превосходства в них над Советским Союзом. Провоцирование ракетно-ядерного состязания в мире и тем более в Европе — дело опасное и бесперспективное. Советский Союз не допустит ни нарушения нынешнего военного равновесия в Европе, ни того, чтобы с ним разговаривали с позиции силы.

Беседы с наршамом Куинном, Главном командующим Объединенными вооруженными силами государств — участниками Варшавского Договора, подошла к концу. Мы остались поздравить маршала с теми двумя письмами, которые, как нам казалось, были адресованы именно ему. «Момдари стренового отделеция. Яко. Ирерини Стойлово и Кировской области вместе со своими братьями Михаилом и Николаем свазалось фашистскими. Не вернулись с войны безоруборы братья Плиосины. Но остались мы, их дети. Все знаем мирными делами, все на трудовом фронте. Но боимся щемно и сердце, когда слышим по телевизору слова — война, атомная бом-

ба, ракеты. Неужели повторится то, что перенито и что должно остаться в памяти наших как поражения войны? Мыслимо линому Ямрину Бренневу, чтобы он отпустил нас и дал нам возможность жить и работать. Нет, не для войны мы содерим армиями, доверили нам лучшим советским военным оружию. Их ждут дома, для них есть работа мирная и добрая», — это письмо подписала имением своей погибших братьев Плиосных муж дочерей Якова Григорьевича, 37-летней работницы лесозаготовки Л. Милосе.

«Война — неважное слово. Повторять тебе не надо! Важно! Первым на войну ушел дедоволец Александр. Ушел и не вернулся. В сорон третьем году младший, Илошо. В селе все знали — не такого дела, где бы обобщились без Иаки Иакина. Муж был 18 лет, когда он добровольцем ушел на фронт. А через год еще одна «порохона» на третьем моего сына, Есеея. Он воевал с первых дней. Длинными были его фронтовые путы-дороги. Не дошел до конца, ушел на землю 25 июня 1944 года. Только и осталось у меня эти три фотокорички и три письма — в тайпало. Софье Филипповне Ямабной, 87 лет. Мнею я хорошо, дочери, внучи ко мне хорошо относятся. Мнею, в полном достатке, но дня не проходит, чтобы не вспомнились мои сыночки.

Как услышу по радио или по телевизору, что уезжают отпустить солдаты в войну, я не слышу это без слез переживания. И как мать тронх погибших сыновей принимаю все, что хочет новой войной, и прощу таких больших военных командиров — изю всех бы окормили мир!»

Виктор Георгиевич Куликов долго смирался в лица трех братьев, что ушли на войну из алтайского села Гоголоха. Александр на фотографии по фронтовому полюбил Есеея. Рад, что в нем костьм, а неумело повзвонан галстуке. Младший, Илошо, смотрит со смиком не по годам серьезно и даже решительно.

— Сколько тысяч юных, смелых, беззащитно любящих нашу Родину отдали свои жизни в годы Великой Отечественной войны, — маршалец прерывает молчанье нахально, разводит руками, нагнетая матерей, к которым не вернулись с войны сыновья и дочери. Софье Филипповне, а в ее лице все матери, я хочу отвести: вот уже 35 лет Европа, а в прошлом самая беспокойная часть нашей планеты, живет без войны! Мир в Европе во многом предопределен, а в Азии — в основном, — становлюсь на своем земном шаре. Нелепо он дается! Сколько раз империалистические силы ставили своего бронированный сапог на порогах людей доброй воли и в годы холодной войны и в годы жестоких военных операций в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в других районах земли.

Столь длительной мир достигнут благодаря миролюбивой политике Советского Союза, социалистических стран, усилиям международного коммунистического движения, а также широкого движения сторонников мира и усиления неприсоединившихся стран.

История двадцатого века свидетельствует: империализм не мыслит существования без войны. Империализм так не вкусил, что все большее число народов берет судьбу своих рук, ликвидирует империализм, не оставляя возможности для получения сверхприбылей, ослабляет их политические и экономические господства, расширяет сферу расширения империализма, предусматривают вмешательство в судьбу любой страны, вплоть до вооруженного вторжения. Адми-

нистрация Катрера объявила жизненно важным для себя контроль Америки районами, по сути дела, все части света.

Чтобы сохранить мир на земле, необходимо постоянное укрепление мощи стран социализма, разумная политика, всевозрастающее движение сторонников мира, постоянное и действенное разоблачение подлинной природы империализма, агрессивности блока НАТО, а также идеологической двоярости империалистической пропаганды.

Чтобы избежать катастрофы, новой военной катастрофы, Коммунистическая партия и Советское правительство вынуждены отвлекать небольшие силы и средства на укрепление обороны. И если наш народ, народы братских стран пользуются благами мира, то это прежде всего потому, что Советский Союз вместе со всеми союзниками обладает всем необходимым, чтобы дать решительный и мощный отпор любому покушению на нашу страну, страны социалистического содружества. У нас есть что защищать, есть чем защищать, есть кому защищать.

Надежным щитом социалистическим завоеваниям служит Организация Варшавского Договора.

Это было очень мудрое решение — противопоставить капиталистическому военному блоку блок социалистических стран, и годия можно сказать, говоря об итогах минувшего двадцатипятилетия: наш оборонительный союз не только не ослабел, а наоборот — так и в итоге военном плане достиг высокого уровня, который позволяет нам дать решительный отпор любому агрессору.

ПРОБЛЕМЫ

О ЛЮДЯХ БЕРЕКЛИВЫХ

Энергетики спорили с технологами. И те и другие стояли на государственных позициях. Отличие в позициях было только в том, что энергетики признавали, уступая эти позиции, рисковать, а технологи кидать на риск опасались: вдруг ухудшится качество продукции. Энергетики все же сумели доказать, что игра стоит свеч. Тем более речь шла о «свежах» весьма дорогих.

А дело в том, что компрессорный цех на производственном предприятии потребляет примерно половину всей электроэнергии, что берет это производство. Экономия каждого киловатт-часа здесь особенно ценна. Из того и исходила энергетика. Было решено реконструировать сеть коммуникаций, подающих воздух в основную цех. Имелось в виду сыграть

часть фильтров, а остальные модернизировать с таким расчетом, чтобы воздух поступал в установку, где идет процесс, без вредных примесей, причем — от такой же чистой, как и сейчас. Проблуская же способность воздухопроводов при этом увеличилась бы, а удельный расход электроэнергии сократился бы. И соответственно. Тогда технологи выдвинули контраргумент: «Вдруг отсыреет» — фильтры «будут недостаточной» — качеством реканстрисированных препаратов рисковать нельзя. Спор решило дело.

Начальник конструкторского отдела производственного объединения «Минмедпрепараты» И. В. Денкевич, конструктор Л. В. Родобольская, начальник компрессорного цеха В. Т. Щербович, мастер этого же цеха А. Г. Сметанин, бригадир слесарей С. Т. Девыденко до мельчайших деталей разработали проект реконструкции со всеми расчетами, обсудили

все имеющиеся варианты и выбрали самым оптимальным.

Тем временем главный инженер объединения Валерий Ульянович Заборонюк и главный заместитель Анатолий Лукин Гладкий вместе с группой специалистов готовили производств и «операции». Ее сложность состояла в том, что подача воздуха не должна прерываться ни на минуту. Придумали и изготовили схему временного воздухопровода, а затем приступили к монтажу, предложенному новаторам. Все расчеты оправдались.

Случайное производство медпрепаратов критиковали за то, что коллектив не использует всех возможностей режима экономики. Конечно, можно было оправдать предприятие далеко не новым, устарела часть оборудования, программа растет, а на прежних площадях тесно... Но в коллективе понимали, что лучше оправдать — творческий, инженерный поиск. И не за счет мелочей (конечно, следить, чтобы не горели лишние лампочки, не лестничные площадки, не комнаты — дисциплина — первая союзница экономии), а за счет главного — автоматизации производственных процессов, что лучше оборудование, реконструкция технологических систем, замены старого оборудования новым. И еще за счет совершенствования учета и контроля расхода энергии, электричества, газа, пара. Минувший год был в этом отношении, можно сказать, удачным. Если сетчики показывали, что у кого-то пере-

бор, энергетика тут же выясняли, почему. И ликвидировали утечку. В 1979 году реконструировали систему подачи воздуха. В том же году многое сделали для автоматизации. Будущие препараты «варятся» довольно долго, и самое сложное в процессе их приготовления — поддержание технологического режима: малейшее отклонение — ущерб качеству. Прежде микробиологи периодически брали пробы аппаратов, а затем требовалось, то корректировали процесс вручную. Естественно, если управление автоматизировано, то гораздо легче контролировать температуру и тепло. Здесь разрабатывали и внедряли схему автоматического регулирования процесса ферментации антибиотиков. Теперь прибор не нужен. А в заводскую копилку идут сэкономленные электроэнергия и тепло. В первом квартале прошлого года было сэкономлено 178 тысяч условных единиц топлива, а в первом квартале нынешнего года — 117. На 87 тысяч киловатт-часов возросла экономия электроэнергии во всем заводе. В 1980 году по сравнению с четвертым кварталом минувшего года.

В тот день, когда я был на заводе, в 17 часов 18 минут, установившегося предприятия в Новосибирске. Хорошая молва о производственном объединении «Минмедпрепараты» распространилась быстро.

А. ЩЕРБАКОВ,
собор «Огонек»

Минск.

Зденек ГОРЖЕНИ,
заместитель главного редак-
тора газеты «Руде право»

Тихое деревенское кладбище. Тесные ряды могил, аллеи раскинутых кипарисов, ограды, отделяющие мир тишины от безудержного потока жизни. На каменных надгробьях — имена, даты, фотографии. Только одно безымянно. «Неизвестный красноремень» — это, что вытесано на гладком темно-сером граните. Нет — еще дата: 1945. И пятикопеечная звезда.

Неизвестный. Он лежит рядом с теми, кто родился и умер на этой земле. Как один из них. И на его могиле весной сажает цветы. Иazole не останавливается ни в скорбном молчании. И здесь загораются свечи, когда наступает день памяти мертвых. Поэтому что и о нем, этом солдате, оставшем свой крест нам, живущим, национальный герой Чехословакии Юлиус Фучик в бессмертном «Репортаже с петлей на шее»:

«Приндет день, когда наше будущее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Помните: не было безымянных героев. Были люди, у каждого свое имя, свои обличия, свои чаяния и надежды, и мужи самого незаметного из них были не меньше, чем мужи того, чья мья войдет в историю».

Наверное, кто-то ждал его и сейчас — солдате, над прахом которого я стою. Думаю о тысячах, о десятках, сотнях тысяч матерей, не знающих, в какой безымянной могиле лежит их сын, навсегда оставшийся для нас неизменным солдатом. Мне слово и имя. Знаете: деревня Бланц под Блонцем-над-Нисой помнит ваших сынов. Помнит все наш народ всему 1945-го и тех, кто от развалин Сталинграда принеся мир и свободу в сердце Европы. Знайте: они погибли не зря. Дни, которые стали в их жизни последними, были первыми в нашей новой истории.

В Енишовце, где спит безымянный солдат, сорок лет назад я ходил в школу из соседней деревни. Четыре килограмма хлеба, четыре копейки — это была плата за обучение. Дети ездят на автобусе между деревнями пролегла сеть перекрестков дорог. Не самая значительная факт, но и он говорит о переменах за минувшие десятилетия.

Когда-то в Енишовце возникла рабочая артель «Гранит». Название имело привок отношение к тому, чем она занималась — добычей и обработкой гранита. Это — и символ прочности, надежности, сил, и и провозглашения коммунистической в любую пору безразличия. Это была оада из незлених, но испытанных форм протестантской этики. В артели зарождалась в чешском рабочем движении идея в давние времена. Лю и воспользовались коммунисты из Енишовце в период

экономического кризиса тридцатых годов. Артель учила солидарности в выступлениях, против капитализма, была опорой антифашистской борьбе в годы войны. Памятник на могиле неизвестного красноременя — тоже из гранита. Пятикопеечная звезда.

Сегодня в Енишовце на всю округу славится другой кооператив — земледельческий, — «Дружба». Это настоящая фабрика зерна и миса. Кооператив объединяет несколько соседних деревень. Сегодня в корме изменился их облик, а главное — стиль и уровень жизни сельчан. Не хочу утомлять вас цифрами, но одну приведу. С полем, который я ходил когда-то в енишовскую школу, крестьяне-единоличники собирали не больше чем тонны по две зерне с гектара. Пахали на быках до лошадей. Катки, косилки были большой редкостью. Сегодня с тех же самых полей собирают по четыре тонны с гектара. А стоишь трактором и другой техникой, сколько сейчас у кого землянков, не набралось бы тогда и в нескольких округах, вместе взявших. В Енишовском парке кооператива — Имя и Колоссы, посланные той самой страной, откуда пришел в Енишовце всякий сорок пылого неизвестный красноремень.

Недавно «Дружба» отмечала свои тридцатилетие. На торжественном собрании чествовали ветеранов, кто тридцать лет назад давал первый камень в фундамент коллективизации. Я знал многих из них. Большинство прошло добрую школу артели «Гранит» — наповнившим крестьяне, наповнившим рабоче. «Исконным» земледельцем из основателей «Дружба» был один Рихтер, отец сегодняшнего председателя. За ним потонули в кооператив и другие крестьяне, с детства знавшие лишь свой клочок земли. На нынешнем юбилейном собрании они говорили о том, что раз за тридцать лет не пожалели о своем решении, ничто не заставляло бы их вернуться к прежней. Дух коллективизма, товарищества, доброты, взаимопомощи, передала, как эстафету, земледельцам «Дружба».

Инженер Рихтер, молодой председатель, сказал мне, что у него целый список желающих вступить в кооператив, получить денежную работу. Разумеется, ни в Енишовце, ни окрест не безработицы. Причины совершенно иные. Поконзательные сегодня для всей чехословацкой деревни. В пятидесятые годы многие уходили из деревень в города, на фабрики и заводы, в известной мере это был объективный процесс: в стране бурно развивалась промышленность, деревенские переживали к крупнотрговому производству и особободжалась от избыточной рабочей силы. Но беспокойно то, что уходила молодежь. Старик гораваля, на кого же оставить землю?

Прошли годы, изменился сам характер крестьянского труда. Крестьянин сел за руль, стал тех-

ником, механизатором. А деревенские мальчишки не отогать от трактора или комбайна. Техника помогла вернуть молодежь к земле. И потому «Дружба» уверенно смотрит в будущее.

Вот свидетельство человека, которого не заподозришь в симпатии ни к кооперативам, ни к социалистической Чехословакии. Это заградочерский журналист Ганс Дитц. Его отчет о поездке к нам, разумеется, выдержан вполне в духе буржуазной прессы, но, хотя то или нет, он верно оценил новое социальное положение чехословацкого крестьянина.

«Приезжаю и не смовет не увидеть высочайший уровень сельскохозяйственных производственных кооперативов», — написал журналист из ДРГ: — «Где бы вы ни побывали, в Моравии или даже в Словакии, из вас слышат впечатление уверенности и процветания. Это касается не только самого производства, но и того, что оно дает непосредственным крестьянам. Впрочем, сказать «крестьяне» будет ваним, неадаптированные рабочие и служащие. Мне откровенно признались, что в период кооперативизации были осложнения, но сейчас они исчезли. Тот, кто лишь недавно хотел-либо реализовать свое право выйти из кооператива».

Недавно в Пражском Граде состоялся пленум ЦК КПЧ, на котором обсуждался широкое возмозможности дальнейшего социального развития нашей страны. Пленум подчеркнул, что Чехословакия на пороге восьмидесятих — всестороннее развитие государства с мощным экономическим и духовным потенциалом. Для него характерны динамичный общественный прогресс, прочное единство партии и народа, крепкая дружба и сплоченность с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Думаю, эти слова глубоко отражают перемены, которые претерпела за тридцать лет и деревня Енишовце и вся страна. В ЧССР ежегодно приезжают — 16—18 миллионов туристов — почти столько же, сколько их высылает из страны.

Отношение к сегодняшней Чехословакии, однако, зависит не только от объективности ее тогдашних предвидений, непосредственно касающихся идеологической борьбы, в чем мы, чехи и словаки, не раз могли убедиться, особенно в последние десятилетия. Вам, граме, имейте первой страны реального социализма, не надо напоминать, что наш строй не для всех служит примером и объектом подражания.

Наш идеальные противники были бы рады представить себя как-нибудь Чехословакию «холодной», «бесцветной», «печальной», где люди не умеют смеяться, где царит «мрачное настроение», «серость», «апатия» и т. д. Поведите им, так единственно достойным примером для чехословацкого народа, стоящими внимания западных жад, окажутся отщепенцы, горстка прогрессивных контролеров-консервов, сделавших из своего счастья чужую жизнь, и клевету на свою родину — предмет выгодной торговли, источником социализма.

Такой или подобный взгляд на Чехословакию хотят внушить миру те, кто никак не может забыть 1968 год, неудавшуюся попытку международного антисоциализма отторгнуть ЧССР от семьи социалистических государств. Неопорные успехи Чехословакии на пути социализма, без сомнения, имеют международное значение, и наши недруги отдают себе в этом отчет. Но почему продолжают злобные античехословацкие кампании.

Собака лает, а караван идет дальше. Клевета не свернет нас с пути! Сегодня не 1938 год, год позорного монашеского сговора, когда и лондонская «Танис» и табельсовские бульварные листы обвиняли Чехословакию в гонимости. Год 1980-й, у ЧССР на дельные друзья, которых мы дуем, как самих себя. В этом основа нашего оптимизма. Перемены в жизни чехословацкого народа необратимы, они — неотвратимая реальность нашего настоящего и будущего.

Это светлое будущее все наш народ неизменно связывает с братским Советским Союзом, с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР, десятилетия которого мы отметили в эти дни.

В юбилей не принято говорить о недостатках. Но друзья, я думаю, меня поймут. Мы не скрываем и не должны скрывать того, что еще мешает. Проблем хватает — они касаются качества рабочей силы, слабости внутреннего рынка, уровня обслуживания населения. Нам сопряжены не могут, например, понять, почему страна с такой развитой промышленностью из года в год сталкивается с нехваткой запасных частей почти во всех отраслях. Часто люди портят жизнь, какая-нибудь машина, против которой не надо издывать специальных постановлений, а надо, чтобы просто каждый ответственный работник любил свою работу, добросовестно выполнял порученное дело. Не всегда по-хозяйски мы расходуем доверенные средства, все еще приходится вести борьбу с пережитками феодализма, с бюрократизмом, эгоизмом, недобросовестностью. И об этом шла речь на недавнем Пленуме ЦК КПЧ. Это часть всемирного обсуждения, которое должно быть основой развития, которое будет посвящен XVI съезд КПЧ в следующем году.

Когда выйдет этот номер «Югославия», весна в Чехословакии будет в разгаре. Снова распустились сирени, которой Слова Прага встречала в сорок пятую своих победителей. Над садом чехословацкого красноременя в Енишовце опять зазеленел липы, и благодарные листья ползют к гранитному надгробью букеты цветов. Да разве только в Енишовце!

Прага.

СВЕТЛАЯ ЧЕХИЯ

35 лет — эту цифру мы видели в огромных витринах магазинов и отелей Праги, у проходных и в цехах крупнейших заводов, с ней встречались на сельских улицах. Мы видели, с какой интуитивной несильно трудовой жаждой в честь этой знаменательной даты горняки и металлурги Остры, машиностроители Пльзена, швейники Простеява, коллективы атомной энергетической республики под Трнавой, кооператоры в Южной Чехии.

Во время поездки по стране буквально на каждом предприятии встречались с яркими примерами международного сотрудничества, взаимной помощи, обмена достижениями народов разных стран.

Достаточно сказать, что за последние десять лет оборот в торговле между нашими странами утроился и достиг семи миллиардов рублей. Во внешней торговле Советского Союза Чехословакия занимает второе место. Одна треть внешнеторгового оборота Чехословакии приходится на Советский Союз.

Планы и с изображением советских воинов-освободителей — на стенах жилых домов. И цветы. Море цветов у обелиска наших чудо-богатырей — на братских кладбищах и на безымянных могилах. Мы стояли у скорбно-торжественных гранитных надгробий на кладбище советских воинов в Праге-Обытках — здесь похоронены сотни из тех 140 тысяч сынов и дочерей нашей Родины, что отдали свою жизнь за освобождение Чехословакии.

Возвратившийся красноречивый Саша Никитин погиб 6 мая 1945 года. Он похоронен неподалеку от могилы нашего кутузского друга Теплова. Да, земля породила юного воина Советской Армии и храброго офицера-кутузовца, освобождавшего Европу в начале прошлого века от другой кутузовщины!

АЛЕКСЕЙ ПАНЧЕНКО, фотокорреспондент Алекса Гостева, специальные корреспонденты «Огонька»

КАК ВЫЧЛИЛСЯ ВЛАДИМИР МРАЗЕК

Начальник цеха атомных реакторов завода энергетического машиностроения комбината «Шкода» имени В. И. Ленина, коммунист Владимир Мразек строен и молчалив. Его поножили легкую фигуру в голубом, идеально отглаженном костюме за рабочую смену можно видеть в разных концах огромного — высотой в 42 метра! — цеха строительства атомных реакторов.

Владимир Мразек подтянут, не сутулится, — он из тех, кто не подменяет деловитость суматохой. Не верится, что из юных непохожих шестидесяти сорок три года промчит тут, на «Шкоде» — смеется он. — В четырнадцать лет, еще до войны, я был мальчишкой на побегушках в одном из дымных цехов старой «Шкодовны». Начавшая война, фашисты пришли в Чехословакию, и меня угнали в Германию. Наконец наступил светлый день освобождения. Вернулся на родину. Направили в ПТУ на «Шкоде», затем — техникум. На заводе стал коммунистом.

Энергетическому хозяйству молодой республики, приступившей к строительству социализма, требовалось много газовых турбин. Вместе с советскими специалистами, друзьями по работе Владимир в короткие сроки налаживает выпуск важнейших агрегатов.

Толкового, энергичного техника, умеющего работать с людьми, отмечают руководители завода. Ему предлагают стать начальником цеха турбин. Он соглашается. Все шло хорошо. Но неожиданно стало пошишать слухи.

Мы беседуем с Мразеком у шахты, где проводятся испытания частей реактора на давление. Владимир говорит, а сам то и дело смотрит в другой конец цеха — там сварщики приступили к работе над корпусом четвертого реактора.

Спринхуя на Владимира, как он решил повысить такую крупную цену, по сути новое для себя дело.

Мразек улыбнулся: «Я хотел попросить у начальства отставку по болезни, но тут-то мне и предложили новый цех. Он был еще тогда только в проекте. Вышли, дело интересное, но подумалось: а как сердце, выдержит? Чуждым делом лечить пожелательных энтузиастов» — сказали мне в партии.

— И что же, вычленил?

Видно, все же было немало положительных эмоций. И, честно сказать, я пока не жалуюсь на здоровье. Скажу бодрее — сердце радуется, что наша Чехословакия на моих глазах стала второй после Советского Союза страной в рамках СЭВА, которая будет производить оборудование для атомных электростанций. Стены из стекла и анодированного алюминия возводили не по дням, а по часам — это было радостью! Специальное оборудование из Советского Союза поступало без задержек, и монтажники работали, не зная усталости. Когда краны-великаны поползли между пролетами, мы ликовали. Потом поехали на учебу в Советский Союз, на родственные предприятия, где нас встретили как братьев. Составили кадры электросварщиков для атомных реакторов у себя на специальных курсах подготовки — это тоже наша достижение!

Владимир увлекается, и эта часть его монолога звучит как вдовольная ода сварщикам — все профессии хороши, но что подвело, сердце начальника цеха принадлежит в первую очередь им — таким, как Иозеф Шебек и Индржих Крисман. Это люди родили для Чехословакии профессии. После ПТУ еще в течение трех с половиной лет они на специальных курсах осваивали искусство сварки сварки реактора.

Индржих называют царем сварки. Он ударник социалистического труда и закончил семь специальных курсов. Но зато как сваривает! Дефектоскописты в шутку обжигают: «Им нас оставлял без работы».

АЭС в топливно-энергетическом балансе страны кажется, что он не до конца убедил меня в высоком классе работы своего коллеги. Эпилод один сварщик прозвучал на самой высокой ноте:

Мразек по случаю отправки корпуса ядерного реактора для первой венгерской атомной станции у нас побывал посол Венгерской Народной Республики и заботился о работнике Крисмана. Узнав, как много сердца и умения вложили рабочие в сооружение этого реактора, посол пригласил его погостить в Венгрии.

Мразек рассказывает о заводских делах, а я думаю о том, что в его личной судьбе отражена «ядерная программа» его родины и он вправе гордиться тем, что принимает в этом участие. Все понимают, как велика эта АЭС в топливно-энергетическом балансе страны: собственные энергоресурсы республики ограничены, а между тем по потреблению энергии на душу населения она стоит на одном из первых мест в мире! Вот почему для Чехословакии решающее значение будет иметь осуществление долгосрочной целевой про-

граммы сотрудничества стран — членов СЭВА, которая предусматривает совместное решение топливно-энергетической проблемы. — Значит несколько цифр, я их знаю наизусть, — говорит Владимир. И я записываю: с 1981 по 1990 год наша атомная энергетика даст прибавку мощностей, равную суммарной мощи всех электростанций, построенных в республике до 1970 года! К 1986 году будет произведено 19 реакторов мощностью в 440 мегаватт каждый.

Они предназначены как для наших АЭС, — добавляет Мразек, — так и для станций в Венгрии, ГДР, Польше и других странах СЭВА. Скажите, ну, разве все это не положительные эмоции! Так что больше мне ни в коем случае нельзя — это просто не могу себе этого позволить!

...А теперь, в продолжение рассказа Владимира Мразека, мы приглашаем читателей вместе с нами отправиться из города Пльзена, где работает Владимир Мразек, в небольшой поселок Ясловске-Богумице. Здесь вот уже полтора года действует первая чехословацкая АЭС. Советские и чехословацкие специалисты в короткие сроки возвели корпус красавицы станции в степях под словачским городом Трнавой. И за это трудовой подвиг многие специалисты из нашей страны, которые тут работают, отмечены высокими наградами СССР и ЧССР.

В холле административного здания станции, скорее похожем на холл санатория дизаном и обилием цветов, мы обратили внимание на плакат: «26 марта 1980 года в 4:47 утра поставлен под нагрузку второй блок! Под плакатом светятся цифры набранной мощности. Старший инженер по реакторам Иозеф Клима смотрит на них с удовлетворением: «младенцы» исправно наращивают мощь, подбрасывая за сутки в энергетическую топку страны без малого по 10 тысяч киловатт! Так что уже в мае он сравняется с богатырем — первым блоком, рассказывает инженер.

А дальше уже монотеряется третий блок, за ним — четвертый. И каждый сэкономит миллионы тонн угля, что очень важно и для сбережения топлива и для охраны окружающей среды. Вопреки распространяемому мнению объективные данные убеждают, что ядерная энергетика по воздействию на человека и на живую природу гораздо чище и безопаснее, чем энергетика на традиционных органических источниках тепла.

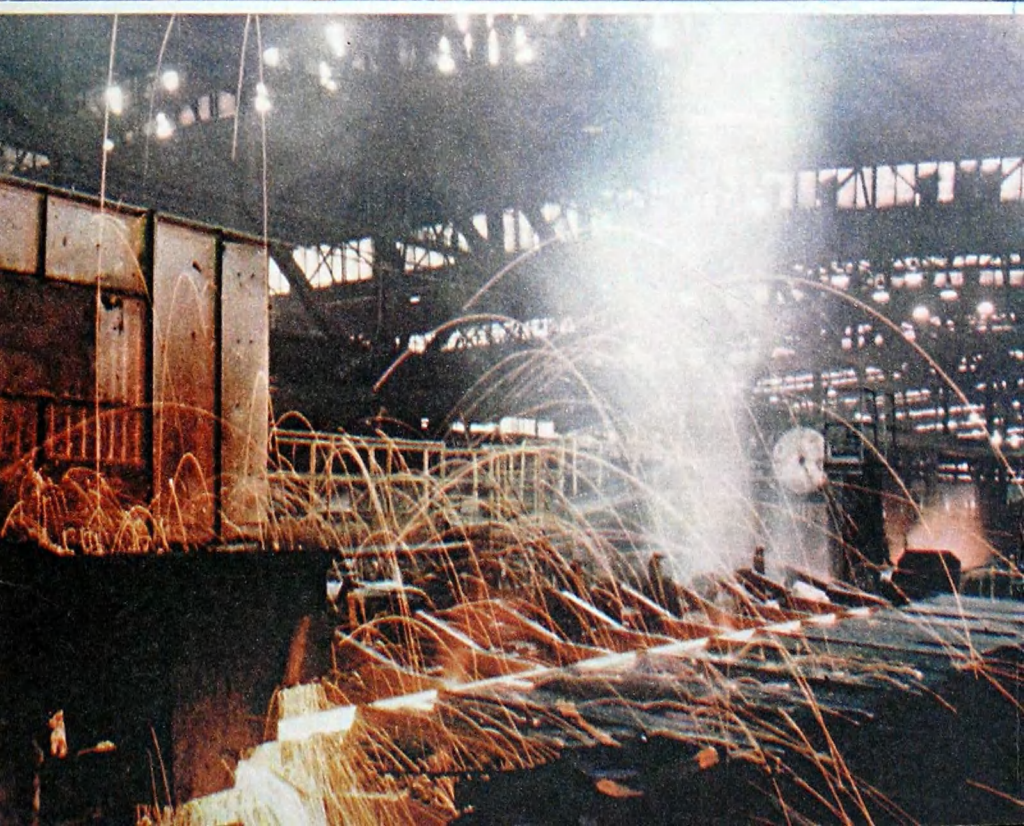
Нам приятно было увидеть на атомной станции в Ясловске-Богумице интернациональные бригады, где работают чехословацкие и советские специалисты: сборщики, пусконаладчики, операторы реакторов, дежурные у пультов управления. Молодые чешские и словацкие инженеры (большинство из них до тридцати) учатся у таких опытных мастеров атомной энергетик, как Артур Гонгаров, Ваим Лепский, Виктор Лоскутов, Генрих Яновский.

Побывав на первенце атомной энергетик ЧССР, мы вспомнили о нашем пльзенском друге — здесь мы тоже получили заряд познаний, а значит, рады бы подняться с ним с Владимиром Мразеком!

У пульта управления первой АЭС республики в Ясловске-Богумице советский инженер П. Рекуц и словачский инженер С. Перелесный. * Очередная партия электровозов из Пльзена готова к отправке в Советский Союз.

НА РАЗВОРОТЕ ВЛАДКИ: Злата Прага. Исторический центр города. * Острава. Трубопрокатный цех металлургического комбината имени К. Готвальда. * Технолот Простеява. Шефского предприятия Ирена Претикова.

1

чтобы родные и близкие знали, где могила героя, и смогли приехать сюда. Я хочу обратиться через журнал «Югонец»: пусть откликнется кто, кто знает этих людей, погибших на чужеземной земле. Вот их имена:

Корсаков Павел Петрович, гвардии старший лейтенант. Родился в деревне Бованны, Кольчугинской района, Владимирской области.

Рабов Николай Андреевич, гвардии младший лейтенант. Родился в деревне Вазерки, Пензенской области.

Шавков Михаил Борисович, гвардии младший лейтенант. Родился в деревне Дубровное, Малолетского района, Северо-Казанской области.

Адрианов Михаил Иванович, гвардии сержант. Родился в деревне Денежниково, Новоадагского района, Ворошиловградской области.

Куренков Василий Павлович, гвардии старшина. Родился в деревне Ясашны, Ульяновской области.

Затеев Иван Николаевич, гвардии младший сержант. Родился в городе Карабах, Челябинской области.

Юрченко Василий Кириллович, капитан. Родился в Кременеуче.

Буров Георгий Тихонович, старший сержант. Родился в деревне Перелесово, Воронежской области.

Фоменико Василий Семёнович, старший сержант. Родился в Запорожье.

Прага — Москва.

Особенностью книги является именно строго научный подход к сложнейшим проблемам эстетики.

Выясняя объективную природу эстетического вкуса, закономерности суждений об искусстве, автор опирается на марксистско-ленинскую науку. Им использованы работы Канта, Гегеля, Чернышевского.

Само понятие «художественность» автор трактует опираясь на достижения советской эстетики, учитывая, что оно охватывает все стороны искусства: от концепции мира и человека до структуры произведения, от формы до общей художественной ткани произведения.

Решая этот автор книги подчеркивает, что критериев ценности много, но не все они в равной мере важны. Он называет (без кавычек) работу одного английского критика, который предлагает 73 критерия для оценки произведений искусства. При этом критерий правдивости среди них стоит на 31-м месте...

Решая свою задачу, автор книги небезусловно стремится обосновать главный вывод: «Юны, имеющие вид и ту же философию, одно и то же мировоззрение, а следовательно, исследуя их, мы обнаруживаем, что они имеют общие концепции эстетического, не только могут, но и неизбежно должны прийти к единому мнению и тем же результатам при анализе произведений искусства».

В. БАРИНОВ, кандидат филологических наук

ВЕРИ МОЛОДОСТИ

К 70-летию со дня рождения Расула Рзы

Д.М. МОЛДАВСКИЙ

Есть у Баку черта, которая мне, ленинградцу, особенно дорога; черта эта — устоявшаяся традиция рабочего города, проявляющаяся и в каком-то хозяйском, домашнем, что ли, отношении к людям, садам, памятникам, старинам, и в нетерпеливой уверенности жестов, и во внутреннем спокойствии, которого, обычно лишены люди, ушедшие из села, но так и не ставшие горожанами... Он красив, этот город, с его стациями метро, названными именами легендарных комиссаров, вышааема, ухаюдыама и в море и в горы, и с башней двадцатого века, напоминающей ракету с не отянутой еще опорой.

Помоему, от Баку до космоса ближе, чем от многих, многих других городов, да и дорога это — сквозь неизвестное — уже проложена поэтами. Помните, как писал И. Асеев в эссе «Воспоминание о Баку», где человеческому уму дано пронзять вечность — там, и где все звезды тамши. Много раз от Николая Николаевича Асеева слышал я удивительно ная — Расул Рза. Речь шла об одном из крупнейших поэтов современного Востока.

И я хочу начинать с даты рождения и старею ее забыть. Речь идет о поэте, которому удалось сохранить молодость. Это не обычные юбилейные заклипания; когда берешь в руки самые последние стихотворения блестящего азербайджанского поэта, ощущаешь то дыхание современности, то ощущение сегодняшнего дня, которое свойственно лишь, юности с ее исканиями, борениями, с теми противоречиями, из которых вырастает характер человека и человеческого общества. Он молод. Он силен. Он счастлив.

«И ничему и никогда не завидовал, ни один день, ни один миг, кроме весны и птиц, певших и ослеплявших», — это строки Расула Рзы, счастливого современника великой эпохи, кровь от крови и плоть от плоти которого он считает себя и свое творчество.

Расул Рза — национальный азербайджанский поэт.

Когда читается его стихотворение (а на русском языке вышло больше двенадцати его книг — «Крылья», «За солнцем», «Весна во мне» «Я — земля»), то перед глазами всегда встает Баку — даже в тех случаях, когда стихотворение посвящено другим далеким городам. Рабочая уверенность и уважение к труду и знаниям, достоинство поэта и философа, стремление не только заглянуть в будущее, но и приблизить его — все это есть в его стихах. «Идет человек в объятия дня, что и прост и сложен. Он повстречал достойно день этот новый долен».

День — это путь, который то прав, то извивает, как все на земле пути, и человек выходит, чтобы его пройти. Идет невзвешен, чтобы сменить любовную одарить по-старски, по-отцовски, по-своимы...

Эти стихи весьма точно передают то ощущение мира, которое характерно для азербайджанского поэта и для мироощущения, рожденного рабочим городом Баку. Расул Рза — поэт, связанный с традицией поэзии; его роль в азербайджанской поэзии справедливо сравнивать с ролью Владимира Маяковского для поэзии русской, Павла Тычинева — для украинской, Назыма Хикмета — для турецкой и т. д. Здесь нет преувеличения. Прошло время, когда стихотворения Расула Рзы вызывали неприятие определенных кругов читателей. Он признан народом и критикой. Его имя в институциональных курсах и школьных учебниках. Его стихи читаются и поются. Его переводы признаны классическими. Но «хрестоматийного глянца» на его поэзию нет. Вокруг его стихов идут споры, поиски продолжается. Но у поиска тоже есть ориентиры — точные, постоянные, неизменные.

Сам Расул Рза писал в автобиографической заметке, приложенной к его книге «Я — земля»: «Часто люди, ревностно защищающие традиции, почему-то ищут только в прошлом... Встань передо мной, создавая традиции — монопольное право прошлого! Почему наша действительность, которая во сто крат интереснее, богаче прошлого, не может и не должна создавать новые традиции? Но что самое можно сказать о национальном слове, о поэтическом стиле и слоге. Ведь думать, что наши асы, что могли создать, создали, а

средства воссоздания национального колорита давным-давно найдены и исхит, тут ничего, на мой взгляд, глубоко ошибочно. Но так тесно связаны жизнь различных народов, когда осуществаются великие исторические замыслы, в великой борьбе, вырабатываются такие черты характера, которые, будучи национальными, содержат валиние исторические замыслы, и интернационального, чем это было раньше. И жизнь и язык народа интератор должен видеть в развитии».

Эта линия развития ошутима во всем творчестве Расула Рзы. От его поэмы начала тридцатых годов «Человек» до более поздних «Мадрида», «Абиссиния» и до произведений, написанных недавно, — «Последняя ночь» и «1418а (позма о всех днях войны)».

Нет, не на мимую поэзию, опирающуюся на готовые расхожие представления о поэзии, ориентируется Расул Рза. Философская четкость мысли, ее современное, демократическое деяние, гуманизм, как высший критерий поэтической, народность в ее движении — черты его стиля, стиля музыкального, гибкого, звучного.

Переводчик А. Пушкина, В. Маяковского, М. Пермионтова и Т. Шевченко, драматург, эссеист, рассказчик, он занял важное место в современной культуре Азербайджана.

Наиболее значительным произведением Расула Рзы остается поэма «Еленин» — грандиозное многоплановое произведение, вобравшее в себя факты биографии Владимира Ильича, и размышления поэта, и — в этом, пожалуй, основная черта поэмы — теоретические и философские формулы, принявшие суть формул поэтических.

В долгой битве строк брал у дней грядущих мне в долг;

середца свои открыли лавины, падали потоки, что гласом мой негромкий раньше срона не умолк.

Я хожу в дилатках чужбинных по равнинам, по долинам, по горам материков. В долготу споре дней бессмертия и стихов.

(Перевод А. Тарковского)

Справедливо говоря о строгости поэтического отбора у Расула Рзы, Маршита Шагинни писала, что в фактах этой поэмы вы начинаете чувствовать те средоточия мысли, те узлы, которые превращают личную жизнь Ильича в народный эпос.

«Я не хочу отвечать на вопросы: сколько лет Расулу Рза? Я хочу ответить на вопрос — сколько лет его молодости».

А молодости его столько лет, сколько стихам, воспевающим вену революции, вену республику.

Ленинград

Вспоминание

Татьяна ТРОИЦКАЯ

Памятником солдатам, отдавшим жизнь на этой войне, — сколько их в нашей стране и за рубежом! Вот история двух — в городе Дрисса (ныне Верхнедвинск) и под Рожице, что на Волыни. На одном — фамилия старшего лейтенанта Аркадия Пантелеева. Другой — безымянный. Жители Рожице поставили обелиск на месте сгоревшего самолета ИЛ-4а. Оказалось, однако, что остался жила штурман — младший лейтенант Яков Пантелеев, брат того, кому поставлен памятник в Верхнедвинске.

Своего сына он назвал в честь брата, не вернувшегося с войны. Аркадием. Перебрал его письма с фронта, он каждый раз возвращается мысленно в детство, в школьные годы, когда были они вместе.

«Маленький деревенский дом в Либовичах. Пять комнат, пять семейств, кухня общая. Отец пришел с ночной смены. Спать не лег, мастерит что-то на кухне. И мать там же, готовит обед. На керосинке стоит кастрюля большая, снятая — меньше десяти человек за стол не садился. У мамы улыбка ласковая, голос тихий, никогда не слышал он ее повысившего тона. Сердилась ли она вообще? Едва ли. На это просто не хватало времени — десять своих детей да два приемных сына.

Старшие — работали, младшие учились. Аркадий и Яков ходили в одну школу. Аркадий был у брата пионерожетом.

Хотя между братьями была разница всего в четыре года, казался он Якову совсем взрослым. Ешь такне, что словно рождался старшими. До всего им дело, за все они в ответе, все трудности — это их трудность.

Был Аркадий и самым красивым в семье — высоким, голубоглазым, улыбающимся.

Вспомнил явдуг Яков и даже рассмеялся, как, уже будучи студентом, читал Аркадий у них в школе лекцию «О любви и дружбе».

Все школьные девочки полюбились в лектора.

Восхищаясь Яков своим братом и очень хотел стать на него похожим. Может, поэтому и записал однажды в дневнике:

«С сегодняшнего дня я беру себя в руки и буду стремиться, чтобы не разбрасываться по мелочам, быть выносливым, целеустремленным».

Еще до войны Аркадий окончил педагогический институт (исторический факультет), и его послали на комсомольскую работу. В Московском комитете ВЛКСМ, в школьном отделе, застала его война. На фронт отпускать не хотели, но они настояли на своем, ушел добровольцем.

В последний раз увиделись братья в июле сорок первого. Якова направили в Челябинское штурманское училище. Он был

счастлив — ведь год назад его не взяли, ростом не вышел. «Ишь же злит, иль со шмотца!» — пошутил Аркадий. Худого не думалось тогда, при расставании.

По воле случая старший брат получил в армии звание старшего лейтенанта, а младший — младшего.

Потом, уже после гибели, однополчане рассказывали родным, как служил политруком Аркадий Пантелеев. Как получил он свою первую награду. Было раз, дорогой в бое поуд, ретерялся в танки прямо на солдат лезли. Вместе с командиром взвода Аркадий бросился вперед, а тогда за ним пошли на врага и солдаты.

Перечитывал Яков до боли знакомые треугольники и конверты с планками, призывающим бесподобно бить врага. Это не описание боев, в письмах — чувства человека, который там, на войне, рядом со смертью, еще нежнее любит мать, еще острее чувствовал, как прекрасна жизнь.

«Успехи, брат, большие сейчас у нас. Тако устроит господишка. Осиживает природа. Руцки. Хорошие уруныные ноги. Но зиситику, чудесную ириально, насей не, когда рассматривать. Надо вначале нешеца проглатать».

Милая замочка, драгоценная моя! Ты только сейчас получила твое письмо. Твои письма всегда такие возлюбленные, нежные. Близкие и мне приятные. Люблю я тебя так, что и писать не могу. Не знаю, да, если бы были у меня крылья, то я каждый день летал бы к тебе. Но я, утчи, солдат, я должен защищать Родину. Поэтому свои письма не пиши не всегда можно исполнить. Сама понимаешь, что я работаю, стараюсь. Как только представится возможность, приеду к тебе. Но надо иметь терпение, скоро уже кончатся немецкие. Наши войска его крепко годят.

А до последнего, такое жизне-радостное письмо Аркадий: «Дорогие мои! Очень прошу, не беспокойтеся, что я стал плохо писать. Но сейчас очень много работы. И мне приятно, что я в движении. Но дела хорошие, радостные. Световозвон, насей не, победы и тогда все соберем. Между прочим, 4 июля (1944 год) Москва салютовала насей не, амин за освобождение одного из белорусских городов. Вы все пишете мне, а я, как буду свободен, думаю написать и буду писать часто».

Целую. Ваш Аркадий». Большие мысли от него не было. Пришло извещение: «Ля! Смерть твою гитлеровца...»

...У Аркадия была сильная упрямость, которую заложила в него земля тогда, огневые точки, из которых простреливались все дороги... Было решено в тыл немцев послать танковую бригаду. Командир группы автоматчиков назначили Аркадия. Танки двигались вперед, когда противник отступил, танки зашли в тыл. Автоматчики соскочили с брони, пытались пробиться вперед. Первым ринулся старший лейтенант Пантелеев. Всего несколько метров отделял смельчаков от пози-

ции гитлеровцев, когда аржеская пуля настала его. Но автоматчиков уже ничто не могло остановить — сопротивление врага было сломлено, Дрисса освобождена.

Похоронили Аркадия на центральной площади города.

О гибели брата Яков узнал, когда, кончив училище, находился в 20-м гвардейском полку авиации дальнего действия, летал на самолетах ИЛ-4а, был штурманом.

Смерть брата потрясла его. Он знал, что это может случиться в любой момент, но примириться с потерей не мог. Каждый раз, сбрасывая бомбы на скопления вражеской техники, Яков думал о брате, словно видел там врагу, где была скрытая темнотой цель, фашистские доты, на которые в

ли из машины они ворвался — тут же раздался взрыв. Увидели на опушке леса добровольцы, полетали стачились туда. И, как говорится, из огня да в полымя! — прямо в руки бандеровцам. Из перебили бы их. Греша бы не убили. И солдатское счастье: при падении самолета зацепился за антенну радиостанции, стоявшей в городе авианской. Поднятые по тревоге сапсысты отправились на поиски упавшего самолета — бандеровцев изловили, а летчиков доставили на аэродром. И снова полетели.

«Пройдут годы, Яков придет в авиацию и узнает, что после войны на месте сгоревшего самолета поставили серый гранитный обелиск. «Летчики, погибшие за наш город» — начертано на нем. «А мы тогда отпустили жизнь», — удивится Яков. И тут же подумает: «Что ж, теперь на своем гранитном обелиске, испещренном фамилиями — летчика и стрелков-радистов». Один уверен невольно от старых нар. Двое погибли в самые последние дни войны».

Яков чудом остался жив: тогда он лежал в поисковом госпитале, ни врачам, ни его старшей сестренке не знали, упустили ли его с фронта.

День Победы госпиталь встретил, смотрел на высокое бесконечное небо, озабоченное испышаниями самолетов, испещренных голубыми друзьями, брат Аркадий и по-прежнему лежал в госпитале. Проголосовала повисла пани Ма-отворения, в букетом. Аркадий расцвела все цветы, которые растила в оранжерии, и подарила им сестренке.

Теперь прошу, пани летчици! — улыбался, кланялся Яков. — Умывайтесь еще одной победой — на чать здоровья».

Но хонит Пантелеев начал не скоро. Прошло еще шесть долгих месяцев. Он впервые, наконец, понял, как это здорово — ходить по земле! Той самой, за которую погиб его брат, которую с воюжа защитица он сам. Яков видел ее черную, обугленную, и решил сделать ее зеленой, цветущей. Летчик поступил в сельскохозяйственную школу, окончил ее и отправился работать в совхоз».

Однажды он приехал в Дриссу в отпуск. Пришел в центральную уличку, которая теперь носит имя его брата, в школьном доме, где Аркадий в посещении большой ступени. Пришел на центральную площадь и долго стоял у братской могилы. Яков вспоминал, как писал ему Аркадий:

«Родной мой! Сегодня у нас теплая погода. Принято. Тихо кругом. Захотелось написать тебе несколько слов. Конечно, я бы все эти письма прочитал, но ты бы была недовольна. Но, черт побери, долго еще придется ждать этого! Хочется одного, чтобы ты была не в аном опасна была профессия. Ни-ни, ни в коем случае не замуж — так, как летчику, полетчици и танкисту. Но я знаю, что мы с тобой счастливы — будем непременно жить».

Их, братьев Пантелеевых, бывших на фронте, в войне, вернувшихся двое... Брату было двадцать пять, когда его убили. Сыну Аркадию теперь на два года больше. Он и сейчас не знает, где брат, когда-нибудь памятник тем, кто погиб на войне. Обелиск из гранита, и на нем слова: «Будем непременно жить».

Аркадий Пантелеев.

Брате гибели вел своих солдат и друзей.

Думал Яков о брате и когда летел на Бреслеу. Обоймившись, самолет попал под огонь зенитной артиллерии, загорелся мотор. Летчик чудом улетел, но через линию фронта, и тут машина стала стремительно падать. Как их выбросило из горящего самолета, Яков не помнит. Не помнит и как был доставлен в польский госпиталь святого Яна под Люблином.

Сознание вернулось и было только на десятый день. Выбродило на десятый день, и Яков, он, буквально вырвался из лап смерти польская монахиня, пани Мария...

Жизнь отъезжала Яков на расписании пани Марии, старшей сестры, отвлеченно лежачего юношу от мрачных мыслей. Он рассказывал о семье, о брате, о сестренке, а потом мечтал стать артистом, а потом летчиком. В войну летал ночью бомбить далекие вражеские тылы. Один раз чуть не погиб в лесу из-за замка — чужого человека, — под Рожице, на Волыни. Самолет подбили, и он упал на кафельную полку, прыскал на кафель территории. Высочен-

Редакция обратилась к народному артисту СССР А. А. ГОЛОВАЮ, главному режиссеру Московского академического театра имени Маяковского, с просьбой рассказать о богатейшем творческом наследии, оставленном Николаем Павловичем Охлопковым, замечательным художником нашей эпохи.

— Давайте начнем, — сказал Андрей Александрович Голова — именно эпохой. Ее особенностями. Это они породили в искусстве плеяду личностей огромных, страстно утверждавших все то новое, необычное, что несло с собою революция. Не случайно ведь и самые театры, где работал Охлопков, именовались как бы соответственно его творческой программе. Сперва это был Реалистический театр, а потом театр Революции, уже позднее названный театром имени Маяковского. Здесь Охлопков двадцать пять лет возглавлял коллектив. Сегодня ему было бы восемьдесят. Он ровесник своего революционного века и его памятный вехот. Его художник, его мыслитель.

Вот это в его творческом облике главное: способность мыслить необычно, масштабно, стремия к крупным социальным обобщениям. Он умел творчески-образно выразить эту масштабность даже в крохотном здании Реалистического театра, находившегося на площади, которая теперь тоже носит имя Маяковского, а в ту пору называлась Садовой-Триумфальной...

До сих пор не могу забыть удивленного в том театре, хорошо помню даже многие отдельные детали... великолепного охлопковского активного поведения спектакля «Бравый солдат Швейке» С. Н. П. Бродяговым, в заглавной роли. Постановка производила впечатление огромное, поразительное! Да и вообще среди спектаклей тех лет все охлопковские работы неизменно представляли неспокойные, непривычно странными, бурными...

— А помните, Андрей Александрович, какая была там на «Реалистическом» «Мелкий потопок» Серафимовича Тен-Теняцкого: годы спустя в нем даже мучила С. В. Образцова теснота показалося. Охлопков же сумел показать и а-с-у, подвинувшись к новой жюзе-вас революционной нава. Люди-воны шли и шли по всем проходам, через зрительный зал, заполняя собою все пространство, все площади здания. И создавался именно неповторимый пот-и, живой образ востания.

— Тут, наверное, был использован Охлопковым очень ранний, почти юношеский опыт постановки революционного народного спектакля-действия на улицах и площадях Иркутска, его родного города; кстати сказать, Николаю

Павловичу тогда было немногим больше двадцати лет. Он и как художник был ровесником века и всегда шел в ногу со своей страной, со всем народом... Но самое оглушительное — не майку другого слова — впечатление, которое оставил на меня в 1935 году постановка «Аристократы». Интереснейший спектакль был поставлен Охлопковым! Скажу, не преувеличивая, что это — одно из самых сильных театральных впечатлений за все годы моей жизни, отданной театру. Этот спектакль тогда прозвучал, словно взрыв бомбы. Не увидеть его было просто невозможно, немилыми! Там много «сплос», сплавилось воедино и мысль, именно эта соединяющая, остроточная охлопковская мысль, и ее острое, яркое воплощение, все ее сценическая реализация. Ведь в пьесе Погодина — а он был одним из любимых драматургов Охлопкова, очень тесно с ним связанным на протяжении всей их жизни — речь шла о поревоистинности преступников, работающих на Беломорско-Балтийском канале. А Николай Павлович осуществил ее как блистательный карнавалный праздник! Да это и в самом деле стало праздником театра и праздника зрителей. Правда, некоторых любителей правдоподобия на сцене постановка Охлопкова раздражала, эпатировала, приводила в негодование. Но она была великолепна, и даже вахтанговские, поставившие потом «Аристократов», показались мне, например, бледными и неинтересными...

— Думаю, что слабее был и фильм «Аристократы», хотя там центральную роль играл Астанков, артист замечательный...

— Может быть, надо было Охлопкову самому сыграть в кино Юсте-Каптана? — Не думаю, не уверен. Хотя все его кинороли были блистательны: одна лучше другой. Самой же потрясающей его работой на экране считаю образ спокойного, сильного человека — рабочего Василия из фильмов «Елени» в 1918 году и «Елени в Октябре». Роль эту Охлопков сполна наделил своим, могучим личным обаянием, представая зрителю в своем лице пролетариат как нового хозяина жизни.

Прекрасна была сцена, когда Василий — представитель рабочего класса — встречается с Владимиром Ильичем Лениным (эту роль исполнял столь же могучий артист — Б. Щукин). Я считаю, что эти кадры — лучшая образцы советской киноклассики.

Своего рода классикой является и блинная фигура Буслаева — Охлопкова в кинофильме «Александр Невский». И если в своей режиссуре он как художник всегда был предельно контрастен, метафоричен, то в актерских своих работах достигал редкой

Николай Павлович Охлопков среди участников труппы спектакля «Аристократы»...

правды, достоверности человеческого бытия.

— И сердечной теплоты.

— Можно согласиться и с таким определением. И здесь, пожалуй, подход к разгадке творческих секретов Охлопкова. Его режиссура всегда глобальная, резкая, контрастная, как сама жизнь, но люди в этой жизни остаются людьми... Охлопков все годы ищет способы выражения этой жизни и в мировой классике.

— «Гроза», «Гамлет», «Агелла»... Эти спектакли — каждый из них — опять-таки стали событием, определили снова и снова необычные, новаторские принципы публицистичности, социальной масштабности всей советской сцены, как и неисчерпаемые возможности ее гражданского темперамента.

И, наконец, какое поэтическое богатство, какая страсть, одухотворенность характеризуют «Молодую гвардию» в постановке Охлопкова! Он тут выступает как истинный как стратег Искусства, пронизанного коммунистической идеей, пронерывая на долгие годы генеральную линию театральной творческой... Он был жизнелюб, оптимист и романтик. И все это выразилось в образах «Молодой гвардии», прозвучавших не только как рекеан, не только как плач народа о своих

героизм, но как утверждение вечного бессмертия героев, вечной их жизни в сердце народа.

— Последний вопрос, Андрей Александрович. Наследие, оставленное Охлопковым — как осваивается и развивается оно коллективным театром, который теперь возглавляете вы?

— Мы сохраняем в наших постановках масштабность, личностность, эмоциональность, присутствие Охлопкова. Но не подражаем Охлопкову. Он был одним из тех, кто закладывал самые основы советского театра. Но при всем том своеобразии, индивидуальности, самом почве да и весь творческий облик Николая Павловича неповторим. Он художник, который нельзя подражать. Ему можно — и нужно! — учиться, радуясь, что не копирование того, что делал в искусстве театр художник Охлопков, а формирование в коллективе творческого мышления, нацеленного по-прежнему на большую социальную тему, остается, я думаю, нашей сегодняшней задачей. Ибо художник — вернемся к тому, с чего мы и начали нашу беседу — всегда рупор своего Времени... Кстати, сейчас мы ставим в нашем театре пьесу «Высокий» по ранним произведениям Маяковского и «Клима Самгины по Горькому.

Беседу вел Н. ТОЛЧЕНОВА.

РОМАТИК В СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ

Разговоры Семен не начинал, прежде чем не оставил Сергея обит с валенком, выколотив промерзшие пальцы, рукавицы, шапку, перематывая портянки. Он и сам, с трудом, морщился, проделав то же самое. Когда Сергей стянул с него валенок, стало ясно, что с ногой плохо. Даже в неважном, мигающем свете лампы было видно, что она распухла и посинела. Семен, осторожно поддевывая, оступал колено. Перелом, насколько он понял, не было, но нога болела нестерпимо.

«Сильное растяжение, вывих», — подумал он, — так, наверное, и есть».

Туго-натурно он замочил ногу портянкой и, морщась, натянул валенок. И только после этого начал разговор.

— Как ки крути, — сказал он Сергею, — а я не боец. Если бы два три-четыре отседлись, может, нога и придет в норму, но у нас трех-четыре нет.

Сергей слушал молча. Тени металась по избе. В солонке за печкой попискивали, шуршали мышши. Ветер колотился в стену.

лях кукурузой да картошкой. От постоянного недоодевания перед глазами иногда плавали круги — синие, желтые, красные. Он отключался в бурьяне, смотрел на черное небо и похожие на подливающий кровью янчиный желтый солнца.

Выжил благодаря тому, что у него было поистине богатское здоровье. До войны Семена считали в дивизии пушным глистом. По утрам, на широком спортивном плацу, он закладывал на турнике такое «солнце», что все вокруг развалило рты. Но спортивный плац турник, ровные цветники у казармы стали давленными и даже, казалось, нереальными прошлыми.

Страх перед немцами у него не было. Он боялся одного — бессмысленно погибнуть в каком-нибудь овраге. Лечь с вечера в вонючую запертую нору и не проснуться. Веса мысли его жинки заключалась в том, чтобы найти и убить немца. Он все время выматывал по степи танки и людей, разбегавшихся от их гусениц.

В одну из первых ночей скитания по степи он вышел к дороге, залез в кусты и, дождавшись немецкую машину, безбоязненно, с включенными фарами, катившую к Ростову, швырнул противотанковую гранату. Машина стала на дыбы...

Немецкие телефонисты танули провод и наткнулись на него, спящего под заброшенной скридой соломой. Избав прикладами, Семена бросили до рассвета в сарай. Но он, пролежав

— Ясно, — сказал он, взглянув на Семена, — все ясно.

— Ну, браток, — поднимаясь, сказал Семен, — с Богом. Хотел бы добавить: может, не придется увидаться, так не поминай никого, но задавай в себе эти слова, не желая тревожить, и только повторил еще раз древнее, как мир, что всегда говорилось на Руси:

— С Богом.

И добавив, обложив, жестоко:

— Давай, корешок, давай, мать их в душу! Подлядай и, припадая на болящую ногу, шагнул к дварям.

Ночь была темна, ветер шил, и степь стала перед ними черным, распахнутым, безмолвным провалом.

— Иди вдаль, ограда, — сказал Семен, — затем балочкой свернешь к ручью и по лугу шайдай до рассвета. И рассвету будешь у Батайска.

Сергей ступил в темноту, повернулся и махнул к дварям.

Под срезом шапки лицо его было неразличимым.

Через час, выйдя к ручью, Сергей остановился. Глаза привыкли к темноте, и он угадывал и снежные сугробы у берега, и кустарники, тянувшиеся вдоль отлогого спуска, и даже следы не то собаки, не то волка, пересекавшие замечательной поземкой ручей. Сергей вышел на лед. Задесь снег был плотнее, и идти стало легче. Он подумал: времени не больше трех часов. Это означало: в запасе добрых четыре или даже пять часов.

В

— Видел, — говорил Семен, — движение на шоссе — машина к машине. На железке, я думаю, еще поспешнее. Немцы, видно, здорово жинянули, и он прет теперь назад без остановки. Может быть, колесика бонитя? Не знаю. Говора о немцах, он скалил зубы, и на темном, задушенном лице его выделялись жесткой белой кожей.

— Самое время стало перехаживать. Он уламбился криво, и видно было: зла в нем много. Оно держало его, как пружина, свернувшая в тугоую спираль. Он ступил кулаком по дорожному колесу.

— Как гвозди в теле! А плав будем менять по обстановке. Смотри...

Семен поправил лунную и ржавым гвоздем на земляном полу чата стал чертить место, подходящее к нему железнодорожные пути, укрепления ораны.

— Смотри, — еще раз сказал он, искоса глянув на Сергея.

Они склонились над желтым, высветленным лунной пятном.

Семен знал эти места до последнего холмика, до малейшей балочки, затерявшейся в степи.

Летом сорок второго немцы сбили чата, где он служил, с позиции у Новочеркасска и, разметав по степи, гонились чуть ли не за каждым солдатою на танках. Это было для них, как охота на перепелов. Давили, рвали, крошили гусеницами тела. Чужой он сам выражался за Дон у Старочеркасска. Реку, как никогда полноводную в тот год, переплыл, уже раненный в голову и в ногу. Еле дотрону до берега.

А выбравшись на песчаную косу, на карачках добрался до густого боярышника и свалился без сознания. Онулся утром. На него крестилась маленькая личуга, зевнула, щелкала, косила лопотопителем черным глазом. Он поднялся и пошел, но фронт откатился далеко на восток, и Семен остался в тылу у немцев. Всею осенью, как волк, рыскал по балкам и буеракам. Одежда изморозила в клочья, сапоги развалились, и он ходил, обмотав ноги подобранными в степи куском боярышника. Снял он и сырые и темные амахи, намытые в оврагах, и оттого гудя раздирал постоянный кашель. С едой было совсем плохо. Питался собранной на по-

часа дым на холодном земляном полу, онучился, пролежал на чердак и оттуда камнем упал на чистоту. Тот не успел прийти. Семен ушел в степь, а еще через три дня наткнулся на партизанский отряд.

Командиром он представил красноармейскую бригаду, в которой на жаренье которых было выгравировано: «Красноармейский С. И. Батайск за отличную боевую подготовку. Нарком обороны. 3.11.41 г.».

Отряд бедствовал, но Семена все же обули, одели в кой-какую одежду. С неделю он отлежался в землянке, лечился травяными настоями и почувствовал себя вновь здоровым. Партизанский отряд был небольшой, но все же боевая единица, и это придало Семену силы. Он просился на самые дерзкие задания. И столько было в нем ненависти, что он выходил живым из безнадельных ситуаций. Последнее задание было особенно трудным. Надо было взорвать железнодорожный мост через пойму Дона, у Батайска. К нему готовились тщательно, продавая каждую деталь, и именно на этот раз, когда они уже дошли до Батайска, сделав многокилометровый крок по степи, он вывихнул ногу. Но отказываясь от выполнения задания он не мог. Семен на ходу заменил план действий.

— Понимаешь? — спросил он Сергея, ударившись гвоздем по набросанному на земляном полу чата чертежу. — Помни, прыгать-будешь вот здесь. Ни метра дальше. Ни метра. Остановился на нем, зная, зашагал, глаза, и были в них и понимание своей беспомощности, и надежда, и боль. Все, что говорил Семен Сергею, он бы проделал сам, но сейчас послан на словное, разведывательное дело, которое по плечу сильному, бывалому, находчивому и ловкому мужчине, парнишке, с угатыми лопатками на слабый, несформировавшийся спящий. Такое было время, что спрашивали: вынесешь ли ты груз, который ложится на твои плечи, выдержишь ли ты его, справишься ли с ним?

Но ни этих слов, ни положив на них ни им, ни Сергею, ни Семену. Семен был уверен в себе. Сергей видел пальцем по вычерченному на полу линиям и запомнил расположение путей, укрепления ораны, выходы к железнодорожной полноте балочек и оврагов, как школьный урок.

Пока он шел до ручья по глубокому, вязкому снегу, аспет, рубашка прилипла к телу, и себес Сергей сбавил шаг, засмеял по льдистому насту, не спеша, как человек, притоготившийся к дальней дороге. Сергей скрипел под валенками, как мокрый песок, и звук этот глухоу в ушко балочек.

В бурьяне на краю колхозного сада Семен, глядя на Сергея, подумал: парнишке посылаю к черту в зубы, парнишке... И ошибался. Летам Сергей был молод, но по тому, что выпало на его долю пережить, был он уже не парнишкой.

Растет на заливаемых заводских землях пышная, высокая трава. Тянется к нему стремительно, свежо и красю зеленеет ее стебли, разворачиваясь широким листом, и красною, жару распускаются ее цветы. Но стоит шагнуть человеку или пройти зверю — ининут траву, ложится на влажную землю, и тянется за проколом надлого остающийся след. Другое дело, когда ударят по весне поздние морозы и иней-листокож выжмет первые травы, свалит, как косой. Тогда, под солнцем, познее, уже перед летом, выплывает из твердой, как хрящ, земли тонкое шильце нолы, только что народившейся травки. Растет она невысоко, в вершок, не более, и разворачивает лист, как высокие лезвие ножа. И хоть табун ровняется по ней, хоть топчет стадо тяжеловесных волов, следа не увидит на ней даже опытный глаз. Стоит она крепко, стебель к стеблю, и копыта не берет ее, и ветер не валит, и град не бьет.

Вот так и Сергей, как эта степная, на густой соли возросшая трава, был крепок не по годовому хлебу в семидеять лет горячего до сна.

Родился он в Ростове-на-Дону, и шестнадцатилетним расцвела перед очками их дом пыльные акциды. Сладкий запах из домика, где на дворе лежал пахотный горюлым маслом, свежей жареной рыбой и пыльным, дурманящим духом запыленного варенья. Отец его работал на Ростовских. Был он и крестом, и считался лучшим правителем в заводе. Там, где другие не могли понять и бычка вползлащия, таскал он розовых, золотистых салазков с радужными пламяками. Секретом своего богатства, но так ему поучалось, что он выжмался на внешней леске по-

лупудовиков, а сидящий рядом толпа моргал на неподвижный полыхок. С лица лица никогда не сходил улыбка. И мать была под стать отцу — строгая, высокая, голубоглазая, с волосами, волной лежущими на плечах. Старухи на лавочке возле дома говорили:

— Нет на улице пары краше.

Потом пришла война. Мать погибла в одну из первых бомбежек. Отца, выданного правительством, расстреляли, как коммуниста. Сергея вместе с другими парнями и девушками загнали в теплушку и, накрепко задев дверь, отправили в Германию. На первом же переезде Сергей и еще четверо разобрали пол в вагоне.

Внизу, в полутора метрах, мелькая, проносились шпалы, с нарастающим грохотом стучали колеса, пол раскачивался и дрожал под тяжестью вагонов. Сергей не мог ни сидеть, ни встать, ни броситься в разбег, пытаясь залезком перебраться в бокс, выходящую из вагона, в лицо крошечным щелям пустоты. Все живое в нем сгруппировалось этому последнему движению, как и должно было совершаться, кричать, требовать, вопить — именно потому, что было живое и хотело жить. Но он разжал пальцы...

Из пятачков, выбросившихся из вагонов, в жилищах остались двое, остальные погибли под колесами. Один был еще жив, когда поезд прошел, но ему отказали руку у плеча. Они попытались наложить жгут, но культи были слишком короткими. Через час парня захит.

В Гостов Сергей пришел ночью и переулками, стараясь не натолкнуться на патрули, пошел к дому. Он знал, что дома никто не ждет, но дом все же был домом, и он спешил. Мерзлые ветви акаций, как кости, стучали над головой. Когда он вышел на свою улицу, он удержался и победил, хотя сил не было. Вот знакомый переулок, которым ходил в школу, булочная, за ней районный клуб...

Дом не было, стояла толстая чудом уцелевшая передняя стена.

На следующий день, когда Сергей в сохранившемся на краю сада сарае стягивал поволоку подобранные в балке канаты, слышны протирания дверей, вошел сосед по улице. Поставил минуту, сказал:

— Что ты издалум, хлопцев?
Сергей раздвинул и обернулся. И видно, так мотокосилось его сердце по близкому че-

ловку, что он бросился к этому всегда сдержанному и даже хмуроватому дядьке и, обхватив руками, заплакал.

— Ну хвяти, хлопчини, хвяти, — глядял тот его по голове, — хвяти.

Дав ему выплакаться, он отвел Сергея домой, накормил и уложил спать. А когда Сергей проснулся, уселся к столу и сказал, вода своей большой и мягкой рукой по гладко выструганной крышке:

— Ты, хлопник, один — глупостей наделал и погибнешь. Я сведу тебя с людьми. Дело для тебя найдется.

Тогда-то Сергей и попал в отряд. Несколько раз он ходил на заднюю, но его бергли, был он среди подпольщиков самым молодым, и командиры отряда — человек в возрасте — говорили, хмурясь: кому, как не ему, после войны жизнь строить. Улыбался ласкательно, твердил, что все хорошо, во все времена и все солдаты, что война, которую они ведут, последняя.

К весне в отряде сложилось трудное положение. Несколько человек погибло, четверо были схвачены полицией, и командир скрепя сердце послал Сергея в Батайск. Он, как и Семен, подумал: «Паришка, совсем еще молодой...» И долго смотрел на уходящую спину Сергея, пока он не скрылся в снежной круговерти.

Сергей остановился. Небо чуть заметно посветлело. Неверный, предутренний свет заливал степь. Ветром несло сладкий запах дыма.

«Батайск», — подумал Сергей, — или какой-нибудь хутор? Как бы не вляпаться!»

Овражек забрал вправо, и все так же ровно, нетронутой целиной, снег покрывал руеи. Сергей, переминаясь с ноги на ногу, поменял мгновенно и полез на кручу оврага. Впереди, у горизонта, в морозном предутреннем безветрии были видны поднимавшиеся стобом дымы.

«Батайск», — решил он, — значит, я шел быстрее, чем рассчитывал.

Он спустился к ручью и прошел еще километра двести, внимательно приглядываясь к снежным заметкам по берегам ручья.

На одном из поворотов овражка он остановился у высокого суроба. Разбросал вален-

ками. Под снегом открылась куча плавники.

По весне ручей нанес сюда хворост, обломки досок, стелби камеша и сбил в кучу. Сергей долго разгребал снег, отбрасывая на лед плавки потопце. Затем сжал веревкой и, взвалив на плечи, пошел к Батайску. Под грузом везани он почувствовал, что третий день в степи, почти не спал все это время, ел плохо. Но только после подбросил везанку и упрямо зашагал к встающим у горизонта дымам. Снег играл, искрился под ногами, вспыхивал морозной пылью.

В доме Акимича в это утро проснулись рано. Чутким стариковским ухом Акимич, задолго до рассвета, услышал, как зашестались, завоженились в горнице его гости. Слов он не разобрал да и не старался разбирать, подумал только: иш, синицы, воробьи, заботит их что-то, больно рано проснулись. Девки по утрам крепко спят.

Грядом хрипло дышала открытым ртом, поставившая старуха.

Акимич с лежи не слез, а отбросил давешнее на груду толстое одеяло и, чувствуя, что от пахнувшего свежего воздуха дышать стало легче, поправил подушку и опять лег.

Плптки тол, узденные в узлах, не шли у него из головы.

Акимич прожил в Батайске всю жизнь. В голонные годы отец его пришел на эту благодатную, богатую землю с Орловщины да так и остался. Порожина она его степи щедростью. Белоголовым павном, Акимич бегал с хлопцами по пыльным, мягким степным шхам к Дону, ходил в ночное подпаском, женился и работал на железной дороге кокагаром. Обладая он в молодости недюжинной силой, без труда, еще юношей, до двенадцати раз мог перекреститься двухдуховой гири. Последнее годы перед войной Акимич был сторожем на станции и жил в мазаном домике, сплетенном еще отцом. Домик когда-то стоял на краю поселка, но потом его окружили другие дома, и оказался он чуть ли не в центре Батайска. Детей у них не было.

— Бог не дал, — жалуюсь, говорила старуха, но Акимич знал, что она ее смолоту злая женская болезнь, и оттого-то и не было ребенка. В городе Акимича знаком был каждый, глазу у него был приметливый.

М. Нестеров. ВИДЕНИЕ ОТРОКУ ВАРФОЛОМЕЮ. 1889-90.

Государственная Третьяковская галерея.

М. Нестеров. ПОРТРЕТ Е. П. НЕСТЕРОВОЙ. 1905.

ПОСЛЕДНИЕ НЕРАТТОРЫ

Ю. ТЮРИН

Не раз наши художники, в их числе и кинематографы, обращались к материалу революции, выявляя истоки позитива гигантской социальной энергии, что в исторически короткий срок привело к образованию новой государственности, новой морали, новому типу человеческих отношений.

Историко-революционный кинематограф — труд нескольких поколений художников. Сначала это участники и современники революции, потом те, кто застал революцию детьми. Сейчас кинематограф творят мастера, воспитанные на классических фильмах советского кино. Владимир Краснополский и Валерий Усов — режиссеры этой формации. На экранах идет их новая историко-революционная кинодилогия «Отец и сын». Картина серьезная, правдивая, суровая, сделана в традициях психологического реализма нашей киноклассики. Это особенность фильма следует сразу подчеркнуть.

За последние десятилетия историко-революционная тема порою решалась поверхностно, облеплено. Интерес кинематографистов переключился с характеров человеческих на интригу, на создание зрелища особого сорта, где гремит выстрелы, демонстрируются свои трофеи как награды, так и приключенческих картин возник даже особый термин кистери — «сводный брат «старого», «доброего» вестерна».

Исследование социальной психологии народа в эпоху пролетарской революции как-то само собой поднимало более или менее профессионально «работанных» подделками, унизительно сконструированными киноделами, где «слова» протаяли среди «чужих», стреляла всякая седьмая пуля.

«Отец и сын» — фильм психологический. Интерес к нему держится характерами. И это при наличии остроконфликтных ситуаций, интригующих поворотов сюжета. Самое главное в стилистике — отсутствие стилизации. Никто из героев, включая строевых боеготовых офицеров, не копотирует небрежной походкой кобылки, не крутит воронены колбы... Действительность в кадре — а дело-то происходит в Сибирь — зима, вьюща.

В основе фильма (сценарий А. Иванова, В. Краснополского и М. В. Усова) лежит дионимный роман Георгий Маркова. Этим обстоятельством в первую очередь объясняются отличительные качества всего образного строя картины: литература повела за собой экран.

М. Ионов, уроженец Западной Сибири, doskonale знает родной таежный край. Романист не сбивается на скорогорую. Писатель, интригуя, склонно к подобосты, и «преследователя» сцен: «В эпохную июльскую пору тысяча девяносто двадцать первого го-

да вверху по Васюгану плыли караваном проколоченные палки с варами, просмоленные тесовые подки...» Так несладко начинается роман «Отец и сын» — один из тех романов, что составляют «сибирскую библиотеку».

Нравы, обычаи, страсти обитателей таежных сел, обманных берегов Оби, Васюгана, Енисея, Катуня, нашли своеобразное отражение на страницах произведений многих и многих прозаиков — от Шмидта и Веселова Иванова до Астафьева, Шухмина, Анатолия Иванова... Они все увлечены, сильными, непокорными характерами сибиряков, закованных дикой природой, тысячелетними малонаселенными пространствами. Кинематограф, извечно интригуя от литературы, заинтересовался «сибирской» прозой. В числе тех, кто прочно связан с

дела односельчан, зажигают надежду на светлую жизнь. Звенят над разбухнувшей рекой топоры и пилы, требовательно подает голодный новорожденный в коммуне; весело отскакивает первый юбилей: месяц после высадки каравана...

Верховодит Роман Быстрыков, светловолосый, породистый лепки неотумоленной «чалдона», жадный до работы и ослепительный на слово. Характер приподнятый, обязательный. Актер Вадим Спиридонов, переходящий на новую роль из фильма «Вечный зов», создает образ первого коммуниста свободной, размышляющего. Удачно сочетается с уном, этической чистотностью. При этом артист не играет «железного» человека. Его Роман страдает, томится, печалится, не отвечает на затанную любовь замужней женщины, много-

Кадр из фильма.

«сибирская» романом, оказались режиссеры Краснополский и Усов. Широко известны их многочисленные телефильмы по произведениям Анатолия Иванова — «Тени исчезают в подполье» и «Вечный зов».

Экранизация романа Георгия Маркова выстроена по тому же серьезному принципу примата народной психологии. Осязательные этно-психологические в конкретные социально-исторические условия протекло противоречиво, драматично, и авторы фильма не боятся сцен человеческой гибели, не замалчивают позоры и героизм. Но главное при этом то, что они строго верят правде, отстаивают торжество жизни.

Роман рассказывает о первой попытке сельских коммунаров, бедняцких крестьянских семей захватить сообще, артезио. Расчистить от буреломов пашню, срубить дома из доброго леса, завести на долготу зиму рыб, поджигать с местными охотниками... Эссе продолжается на Востоке гражданская война, в ту, на мряноватых, пустынных берегах Васюгана, вчерашние красные воины, горстка коммунистов, самозабвенно поднимают на новые

Райзан в картине «Коммунист и Михаил Калатоз» в ленте «Я — Кубань». А теперь вот свой вариант героической киноэпопеи предложили Краснополский и Усов. Доженковская традиция проявила себя спустя десятилетия.

В оне бродя нет... Следуя духу романа, авторы экранизации четко расставляя идеологические акценты. Советская власть на сибирских просторах заявлялась в оне таежные испити. И образ оне проведен через асье фильм. Пылают подожженные Лучеи гнездовые колчакоские офицеры. От руки врага выгорает дотла возводное с таким старинным поселение коммунаров. Живым факелом мечется, гибнет в морозных сумерках молоденькая учительница: кулящие сынки обили ее бензином и подожгли. А сколько костров и костерков потрескивают по лесистым берегам Васюгана! Иногда это огонь дружи и гостеприимства, иногда необходимая защита от стужи, иногда западня и смерть.

Анатолий Иванов, один из авторов сценария фильма «Отец и сын», говорит: «В постановке перед собой нелегкую задачу исследовать в определенных исторических условиях истоки героических подвигов людей и истоки советского государства, хотели показать, какое это было непростое дело — становление и укрепление Советской власти на территории нашей страны... Мы сознательно шли на включение жестоких драматических и трагических сцен. Но при этом не забывали, что должно быть обязательно героическое, оптимистическое начало».

«Опрокинутая тишина» и «Эхо далеких выстрелов». Так называют части кинодилогии. Драматургия каждой — драматическая, жестокая. Время действия — 21-й и 27-й годы. Но сквозных героев здесь немало. Среди последователей Быстрыкова, убитого коммуниста — Гаврилов, Ковалев. Дело это продолжается и в этом светлогорном (как Быстрыков-старший) долговзном парне, сельском активисте, первом комсомольце родной губернии, деревни. Поколения нерасторжимы...

У дилогии неожиданный финал. Действие обрывается кадрам воинского письма-треугольника. Экран предлагает нам выписку из этого письма: «А ты, сын мой, запомни: враги революцию не давали нам никакой пощады. Они нас стреляли, вешали, сжигали. Но революцию нашу нельзя уничтожить. Она будет жить и торжествовать вечно, потому что мы ей будем вечно служить»...

Сюжет писателя Гаврилова, Алексея Быстрыкова, погибший при штурме Берлина 1 мая 1945 года, адресован сыну...

Словами этими авторы фильма снова напоминают нам, как же мучительно трудно, какими величайшими жертвами добывал народ правду истории. Каждое поколение терпело свою долю. Но революцию создали силы новых поколений. Отцы продолжали в сыновьях.

ЕГО СОВЕРШЕННАЯ ЦЕНН

Исполнилось 125 лет со дня рождения замечательного русского композитора А. К. Лядова. Мы публикуем воспоминания о Лядове, сохранившиеся в архиве поэта С. М. Городецкого, с которым композитор дружил в последние годы, и отрывки из нескольких его писем.

Из воспоминаний

С. ГОРОДЕЦКИЙ

[illegible]

Не праздное любопытство руководит народами, когда они изучают до мельчайших подробностей жизнь своих гениев, каждую букву Пушкина, каждый поступок Толстого. Или руководит благородная жажда проникнуть в тайну высшей жизни и скрывать самое будничное существование хоть самым отдаленным участием в жизни творцов.

Когда-нибудь, когда будут собраны все письма А. К. Лядова — по-видимому, их осталось около трехсот, — когда его творения будут изучены так подробно, что ясен будет путь — единственный и прекрасный — от романа «Не пой, красавица, при мне» до «Скорбной песни», тогда можно будет думать о более или менее исчерпывающей картине его жизни и творчества, о законченном его портрете.

Пока же этого нет, можно только наметить основные черты этого портрета — те черты, которые, конечно, виднее будут позднейшим поколениям, но которые роднее и дороже современникам-свидетелям.

Эпической силы образ остался у меня от Анатолия Константиновича после первой же встречи. Поражали в этом образе его сошедшая округленность, полнейшая законченность, цельность в самом себе, монолитность. И с тоскою читал я теперь, подготавливая настоящий очерк, его письма семидесятых, восьмидесятых и дальнейших годов, видя в них мнения и суждения буквально из наших бесед. Решал Ан. К. бесспорно. Слово его было кре-

мень. Силой морального своего авторитета противостоял он разнобразнейшему натиску впечатлений, шедших и из Руси и с Запада. Мне неизвестно другого такого средоточия художественной жизни, на протяжении сорока лет хранившего свое единство. Какова же вера в правду, в силу искусства была у этого человека, если он жил молча? Поистине не оскудевает богатырями красота русская.

В ту весну мы часто виделись с Ан. К. Стояли дивные белые ночи. Он их любил, как яд, как наркоз, как опьяняющий дурман. Позже, помню, сказал он мне однажды по телефону: «Вы знаете, природа злая; это-то и восхитительно». Злая — значит живая, личная, имеющая власть над тобой и к этой власти волю. Вот эту-то волю природы над собой особенно чувствовал Ан. К. в белых ночах в ту весну.

[illegible]

Играл Ан. К. и из других задуманных, может быть, готовых, но незаписанных вещей, например, «Из Метерлинка». Из прежних своих вещей играл «Волшебное Озеро», с необычайной изобретательностью заставлял воображение слышать оркестр. Многократно играл «Табакерку», и никому ее не исполнить так, как он сам.

Сколько раз потом я жалел, что не было у меня фонографа для записи его игры! Как мучительно досадно, что наши музыкальные музеи не догадываются делать таких записей! Безвозврат-

А. К. Лядов. Портрет с автографом.

Публикуется впервые

**Из писем
А. К. Лялова**

но, навсегда погибло счастье слышать игру Ан. К., только некоторые внешние признаки этой игры можно восстановить в словах.

Подходил он к инструменту медленно и внутренне торжественно, садился тяжело и просто, скромно и незаметно клал красивые руки на клавиатуру. Это не было прикосновение виртуоза-техника, это не был полунравственный, полужесткий налет Скрибина, это было эпически спокойное, мощное приближение властелина к своему царству.

Есть в современной живописи движение, именуемое пуризмом и требующее от художника аскетической экономии в средствах.

Игра Ан. К. была в высшей степени пуристична. Ни одним музыкалом не давлен больше, чем это строго необходимо. Почти не видно, как поднимаются и опускаются пальцы. Глядишь и не понимаешь, откуда звуки. Катятся по мощному бархату низов ослепительные бисеринки верхов. Сказочной нежности, былинной силы рождаются звуки.

Дивно смотреть на движения рук по клавишам. Легки, уверенны и любовны они, иной раз как будто небрежны на вид, но изумительно внимательны и чисты на деле. Невероятной кажется восточная роскошь звуков — из таких простых сочетаний она сплетается.

Силы света, силы тьмы одинаково подвластны были этим рукам.

25-го марта 1901 г. Любовь — во всех видах и формах — мой воздух, мой хлеб, моя вода. Жить и не любить и не быть любимым — для меня страшнее всех болезней. Страшнее смерти.

«И сердце вновь горит
и любит — оттого,
Что не любить оно не может».

*

16-го ноября 1901 г. Читал вчерашнюю Щеголова — очень интересно. А главное, он очень Пушкина любит. Как бы я хотел во всех (кого я люблю) вселить такое же обожание к Пушкину, какое я к нему чувствую. Всех бы поэтов мира отдал бы за Пушкина. Моя мечта побывать на его могиле, поцеловать его крест и сорвать листок с его могилы. Мечта, кажется, и останется мечтой!

Читаю Диккенса: от начала до конца — неправдоподобно, мелодраматично, а главное — живых людей нет. Но все написано с такой добротой, с таким нежным сердцем, что он должен быть «другом детей».

6-20 ИЮЛЯ 1904 г. Я опять перечитываю письма Пушкина. Изумительные письма! Странно! Я к Гете равнодушен — стало быть, и к

Фото Г. Людовского

ПОДЕЛИСЬ ПЕСНЕЙ

...Лица собравшихся у эстрады на краю большой лесной поляны серьезны и сосредоточены. Нервный, мерцающий свет горящих факелов. Минута молчания.

Так участники и гости ДДУ света Московского клуба самодеятельной песни, который открылся 9 мая, почтили память советских людей, отдавших жизнь в боях за Родину.

Усиленные репертуарными, установленными здесь же, на лесной поляне, и подбадранные сотнями и тысячами голосов, в тишине подмосковной ночи зазвучали песни. О войне и о солдатах. Ни дальнее расстояние, ни ветер, ни проливной дождь не помешали участникам собраться на этот ослепительный свет, организованный Московским горным конноспортом.

Зрители света и его участники, приехавшие сюда из разных городов и республик страны, услышали песни своих любимых авторов — и те, что знакомы давно, и новые, звучащие впервые — песни В. Дюмина, Н. Соколовской, Ю. Лореса, В. Суханова и многих других. Авторы и слушатели здесь никогда не чувствуют себя разобщенными — они живут в соседних палатках, полчаса записывают дрова для одного костра, у них всегда есть возможности общения.

А. СОКЛОВ

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

Накануне 35-летия Дня Победы в редакции «Огонька» состоялась встреча с сотрудниками журнала с заслуженной артисткой РСФСР В. Толкуновой и народным артистом РСФСР Г. Сорониным (заочно — планировали им Д. Ашкенази и М. Бродский).

Георгий Соронин прочел несколько стихотворений и в отрывки из прозы советских авторов. Его манера исполнения, как и всегда, была сдержанной, интонированной. И как всегда, за внешней простотой — глубина мысли, сложность переживаний, красота и чуждость человеческой души.

Татьяна Валентина Толкунова напомнила нам песни, которые стали известны и популярны благодаря ее исполнению. Она рассказывала и с новыми силами работала. Ее искусство покоряет тонким лиризмом, интригой, теплотой. Именно поэтому так ярко, задушевно, будто заново рождаясь на свет, звучала в исполнении певцы и русские народные песни.

Редакция журнала приносит искреннюю благодарность этим артистам, принявшим участие в праздничном концерте.

Фото Н. Туншева

Общий вид манежа.

ДВОРЕЦ

Белоснежное здание в березовой роще. Это новый конноспортивный комплекс ЦСКА, который в дни Олимпиады-80 будет местом тренировок латвийцев. Манеж отгорожен хорошим грунтом, что очень важно для выступлений, на трибунах могут разместиться две тысячи зрителей. Есть удобный предзаловник для развития лошадей, трибуна, фестоновый зал. Созданы отличные условия для подготовки спортсменов и ответственных стартов: действуют сауна, душевые, столовая на двести мест, комнаты отдыха.

Длинным коридором, по которому проводят в манеж лошадей, можно попасть в конюшню — светлая, свежая, с чистыми полами. И сразу ощущаешь в особую атмосферу, так хорошо знакомую тем, кто любит конный спорт. Терпкий запах, длинные ряды денников... В каждом деннике (а их около двухсот) автономная, автоматизированная. Над денником — νέα «аппаратура» лошадей, ее рожденье, завод. Здесь же душ для лошадей, а этим может похвастаться далеко не всякий манеж. Есть и ветеринарная лечебница.

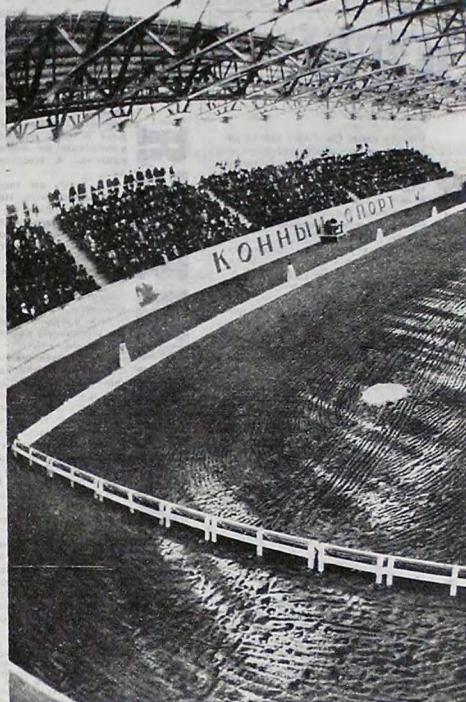
В манеже работают люди, связанные с конным спортом многие годы, любящие его... тренеры Л. П. Бахмашкин, Г. Т. Черета, многие другие... И. И. Болдырев, который недавно ушел на отдых, с лошадей дружен был с довоенных времен. Во время войны командовал кавалерийским полком, имеет боевые награды — два ордена Красной Звезды, Красной Звезды, Богдана Хмельницкого, Отечественной войны I степени. Он был чемпионом Советской Армии, руководил командой по конному спорту на XVI Олимпийских играх. Судья всесоюзной категории, он судил конные соревнования и за рубежом — в Румынии, Болгарии...

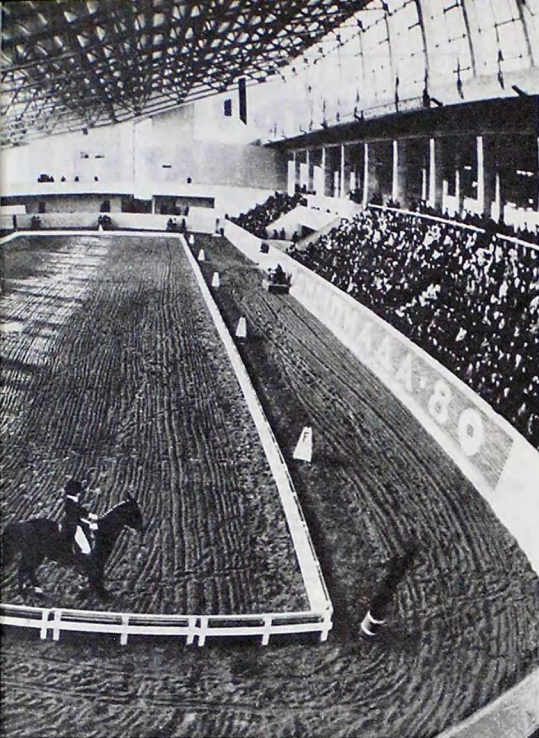
— Наш комплекс, — рассказывает начальник конноспортивного комплекса Владимир Петрович Третьников, — одно из лучших сооружений подобного типа не только в Советском Союзе, но и в Европе. Здесь можно проводить самые крупные соревнования — первенства страны, чемпионаты мира по всем видам конного спорта...

В манеже уже проходили интересные соревнования: первенство страны, на кубок Москвы и Советского Союза по конному спорту. Олимпийский чемпион Иван Калита, ныне старший тренер сборной Советского Союза по высшей школе верховой езды, назвал комплекс Дворцом конного спорта. Что же, в этом нет преувеличения. Отличных подарков получили спортсмены-конники.

Н. МИХЕЕВА

Фото А. БОЧНИННА

Елена Варламова с Эспадрином.

КОННОГО СПОРТА

Утренний гулет.

Конкур — преодоление препятствий.

ВНЕШЕРЬ? ОТВЕРГНУ? ИССЛЕДОВАТЬ!

Под таким заголовком был опубликован материал в № 7 нашего журнала за этот год. В нем шла речь о проблемах внедрения лекарственных средств, рожденных в стенах научных учреждений, о трудной судьбе авторов этих препаратов, о тех преградах, с которыми людям приходится сталкиваться, чтобы доказать эффективность своих методов врачевания.

Материал вызвал поток писем в редакцию. Общее мнение подавляющего большинства читателей таково: прежде чем отвергнуть какой-либо «ненаучный» способ лечения, его надо всесторонне исследовать и прежде всего обращать внимание не на то, кем он предложен, а каковы результаты лечения.

С такой постановкой вопроса нельзя не согласиться.

О том, что поставленные проблемы действительно волнуют многих, свидетельствуют сотни и сотни читательских писем.

«Материал в № 7 не оставит равнодушным ни одного человека, прочитавшего его», — пишет М. Полухина из Мурманска. — Наверняка многие обращаются к вам с просьбой помочь им лечиться средствами народных лекарей, зостер редакции. Это лишний раз доказывает, что наша научная медицина не всегда способна помочь людям, страдающим тяжкими недугами».

Действительно, таких просьб очень много. Мы попытаемся случаем ответить нашим читателям, что редакция не может сообщить адрес того или иного народного врачевателя, так как не имеет права брать на себя ответственность рекомендовать их средства, пока не закончена официальная апробация. (Не говоря уже о том, что упомянутые нами врачеватели не в состоянии обеспечить своим лекарством всех желающих.)

Многие читатели просят сообщить о судьбе исследований препаратов. Когда Фармакологический комитет вынесет о них свое окончательное решение, редакция непременно доведет его до сведения своих читателей.

Целью том можно составить из писем, в которых рассказывается о создателях других самых разных и, как считают авторы, этих писем, весьма эффективных методов лечения, не признанных официальной медициной. Много места в этом томе заняли бы письма о методе А. С. Троицкой. Из этих писем мы выбрали только два. Вот строки из этих писем.

«Статья «Внедрять? Отвергнуть? Исследовать?» посвящена актуальному вопросу. По моему мнению, имеются все условия для решения этой, высказанной в конце статьи».

В настоящее время назрела проблема беспристрастного изучения и использования значительного опыта лечения людей, больных различного рода тяжелыми недугами, представителями так называемой неофициальной медицины. К ним относятся не только знатоки народной медицины, но и люди, имеющие специальное образование.

Примером человека, который заслужил своим огромным трудом большое уважение, является ныне покойная Александра Сергеевна Троицкая, кандидат медицинских наук.

А. С. Троицкая предложила свой метод лечения опухолей злокачественного характера. Этот метод основан на вакцинации больных раком, применением особого способа из крови каждого из боль-

ных. Вакцинация производится периодически, с определенной продолжительностью. Благотворное действие вакцины я испытал на себе.

Я уверен, совершенно необходимо организовать беспристрастное, тщательное изучение и развитие метода А. С. Троицкой, использовать опыт и знания ее учеников в Калужской лаборатории, а также организовать наблюдения на больных, которые много лет принимают вакцину А. С. Троицкой».

А. БРОДСКИЙ,
профессор,
доктор технических наук,
лауреат Государственной премии СССР

Александра Сергеевна Троицкая.

«А. С. Троицкая опубликовала свой метод еще в 1959 году. Его были проведены опыты по прививке опухолей животным. Микрооб, выделенный от больных раком и саркомой, прививался и обнаруживался в крови мышей, крыс, морских свинок, котят, щенят. Живые культуры вакцины опухоли не только у животных, но и у растений. Убитые культуры (а они и являются вакциной) предохраняли животных от развития прививаемых опухолей. На убитых микробах организм учился бороться с живыми микробами».

Я сам периодически в течение нескольких лет пользуюсь калужской вакциной.

Н. РУМЯНЦЕВ,
доктор ветеринарных наук.

Эти письма являются как бы продолжением нечеткого журнала разговора о проблеме исследования и внедрения новых методов врачевания.

Как нам сообщили в Министерстве здравоохранения СССР, в настоящее время исследование метода А. С. Троицкой проводится совместными усилиями сотрудников Калужской микробиологической лабо-

ратории, которой руководит биолог О. Н. Бархатова, и врачей Калужского областного онкологического диспансера.

Конечно, насколько эффективен или неэффективен метод иммунотерапии, разработанный А. С. Троицкой, должны решать специалисты. И здесь уместно привести слова виднейшего онколога страны, президента АМН СССР Николая Николаевича Блохина:

«В научной работе необходима правда и только правда. Очень опасен субъективный подход к анализу определенных научных материалов. Объективная проверка предположений должна проводиться другими, незаинтересованными лицами».

Хочется верить, что именно такой объективной и будет проверка эффективности метода А. С. Троицкой. Ведь сегодня, когда на один из существующих способов лечения онкологических заболеваний нельзя признать абсолютно действенным, необходимо особое внимание к тем методам, которые оказались хоть сколько-нибудь эффективными. Отдельные неудачи этих методов не должны разочаровывать. Эти неудачи, возможно, показывают лишь то, насколько мало мы знаем пока о природе рака.

В последние годы в лечении опухолей все чаще обращают на себя внимание успехи иммунотерапии. Как отметил министр здравоохранения СССР академик Б. В. Петровский, иммунотерапия стала новым и весьма перспективным направлением в современной онкологии.

Видный американский онколог Д. Холланд пишет: «Иммунотерапия очути азана в борьбе против рака. Мы располагаем убедительными доказательствами того, что защитные силы организма распознают чужеродность раковых клеток и вступают на ранних этапах с ними в борьбу». Цель иммунотерапии — укрепить защитные силы организма, которые уже сами в случае успеха должны уничтожить раковые клетки. Сегодня мы бесспорно против многих форм рака именно потому, что обнаруживаем его слишком поздно».

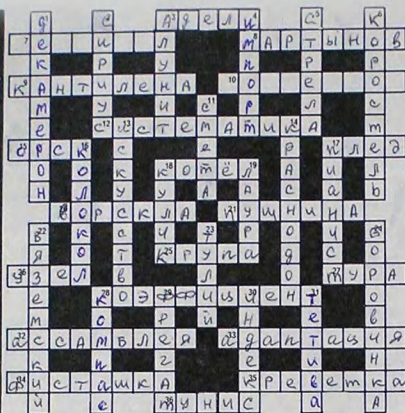
Да, к сожалению, до сих пор не существует надежного, проверенного способа распознавания болезней. А насколько бы облегчило лечение опухолей, если бы мы располагали простым, дающим быстрые результаты методом диагностики, например, по капле крови. Ведь врачу не обязательно знать, где именно (в желудке, в печени или в легких) началось перерождение здоровых клеток в злокачественные. Главное — знать, что оно началось. И тогда можно воздействовать на этот процесс с помощью препарата, вакцины, которая бы помешала образованию опухоли и заставила бы сам организм, его защитные силы бороться с этим процессом, повернуть его вспять.

Это был бы идеальный метод диагностики и лечения рака. Именно о создании такого метода мечтала Александра Сергеевна Троицкая. К сожалению, она не успела довести нечетное до конца.

«Эффективная терапия рака — дело недалекого будущего», — говорил известный советский ученый, профессор И. Невядомский. — Развитие вакцинотерапии... как будет заключительным аккордом усилий человека в его борьбе и победе над раком».

Будем верить, что это предсказание скоро осуществится.

Сергей ВЛАСОВ

По горизонтали: 3. Стихотворение А. С. Пушкина. 7. Большой круг небесной сферы, проходящий через зенит и заданную точку. 8. Русский драматический актер XIX века. 9. Певчесть, мелодичность музыки. 10. Оптическая система. 12. Наука о классификации животных и растений. 15. Город в Оренбургской области. 17. Шерстяное покрывало с бахромой. 18. Теплообменный аппарат для получения пара. 20. Приток Днепра. 21. Меховой тонар. 25. Продукт переработки зерна. 26. Морская мера скорости движения судов. 27. Приток Тоболя. 28. Микротелье в анатомическом выражении. 32. Общее собрание членов международной организации. 33. Писпособные организмы к условиям существования. 34. Орех кожаного дерева. 35. Небольшой морской рак. 36. Государство в Северной Африке.

По вертикали: 1. Сборник новелл Д. Вонича. 2. Самая яркая звезда. 3. Минерал, кисловатый камень. 4. Ввоз товаров из-за границы. 5. Подвижная часть подвижного крана. 6. Птица семейства пастушковых. 11. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 13. Точное определение действительности в художественных образах. 14. Город в Воронежской области. 15. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 17. Музыкаль. 18. Птица, обитающая на болотах. 19. Действующее лицо оперы А. С. Даргомыжского «Намеченный гость». 22. Русский поэт XIX века. 23. Химический элемент, металл. 24. Сорт яблок. 28. Птица для ориентации на местности. 29. Парусный корабль. 30. Числовая или буквенная указатель в математике. 31. Бечва, стигающая концы луна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 7. «Хованщина». 8. Дюоточие. 10. Лобан. 11. Строй. 12. Ремарка. 13. Корабль. 15. «Яблочко». 17. Котлин. 19. Мурманск. 23. Выдра. 25. Детство. 27. Велание. 28. «Герника». 29. Белый. 30. «Агния». 31. Шепетонка. 32. Профессия.

По вертикали: 1. Козодой. 2. Гаваната. 3. «Сибирь». 4. Борзая. 5. Контроль. 6. Титовка. 9. Творение. 14. Логун. 16. Валазель. 17. Кузов. 18. Иглица. 20. Костыль. 21. Штангист. 22. Лебедь. 24. Титан. 26. «Иглица». 27. Варзоб.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Праздник-подружки. * Прекрасна Бадашская площадь.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сооружается корпус очередного атомного реактора на Пльзеньском заводе энергетического машиностроения комбината «Шкода». * В музее Пражского кремля.

Фото А. Гостева.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Реферативный и новостей — 250-36-88; Международные — 210-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-инженерный — 250-15-33; Наука и техника — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Тисем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-27-13.

Сдано в набор 22.04.80. Подписано и печати 13.05.80. А 00360. Формат 70х108, Глубокая печать. Усл. печ. л. 7.0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 610 000 экз. Изд. № 1055. Заказ № 2254.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 123905, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото
А. БОЧИННА

